

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

Прираздвенные аферисты

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи 60-х.

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Детектив-Ностальгия

Сергей Зверев

Прирожденные аферисты

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Прирожденные аферисты / С. И. Зверев — «ЭКСМО»,
2016 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-212800-4

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно. Конец 1960-х годов. В Москве действует шайка профессиональных аферистов. С мастерством настоящих актеров они занимаются «относительно честным отъемом денег у населения», выдавая себя то за чиновников Госплана, то за снабженцев крупных предприятий. Жертвами преступлений становятся нечистые на руку представители Кавказа и Средней Азии. Поимка аферистов поручена старшему инспектору МУРа Владимиру Маслову. Вскоре он выходит на след главаря шайки по кличке Король. В уголовном розыске уже готов план операции по захвату банды, и все пошло бы как по маслу, но... обманутые кавказцы вдруг объявили Короля своим кровным врагом и начали мстить мошенникам. Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212800-4

© Зверев С. И., 2016
© ЭКСМО, 2016

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Зверев

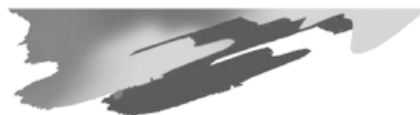
Прирожденные аферисты

© Зверев С. И., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Прирожденные
аферисты

МОСКВА
2024

Глава 1

– Он был настоящий коммунист... И у меня перехватило дыхание, когда я поняла, что Василия Ивановича больше нет с нами. Что черные воды навсегда сомкнулись над ним... Он... Он... Он был как отец. Он был учитель...

Статная худощавая женщина с величавой осанкой вытащила из кармана пиджака военного покроя белоснежный платок, промокнула выступившие слезы. Всхлипнула. Но тут же взяла себя в руки. Гордо выпрямилась. И ее глаза сверкнули неистово и пламенно.

– Скажи мне отдать за него все самое дорогое, даже жизнь, – отдала бы не задумываясь. Но ничего не изменишь. Поэтому всё, что мы можем, – это быть достойными наших героев. Ударно трудиться. Крепить оборону. И знать: наш станок, наш рабочий инструмент – это оружие в борьбе! В нашей общей борьбе за светлое будущее! За коммунизм!

Завороженные искренностью речи и правильными словами собравшиеся в зале помолчали несколько секунд. А потом послышались громовые аплодисменты. Сидящие в президиуме парторг ткацкой фабрики и директор хлопали с не меньшим энтузиазмом, чем рабочие и инженеры.

В прошлом году на экраны страны вышел потрясший всех советских людей звуковой фильм «Чапаев». Не только дети, но и взрослые ходили на сеансы десятки раз. Артисты, игравшие главные роли, тут же сделались кумирами миллионов. Фильм быстро растащили на цитаты, ставшие народными. Советским людям наглядно напомнили о горячих битвах Гражданской войны, когда, не щадя жизни, приходилось защищать новую жизнь. О том, что самой своей жизнью первая в мире страна освобожденного труда обязана таким героям, как Чапаев, образ которого был блестяще воплощен в фильме Борисом Бабочкиным.

И нужно ли говорить, какие чувства вызвало у работников Леденевской ткацкой фабрики известие, что в город прибыла та самая оставшаяся в живых Анка-пулеметчица, которую в картине сыграла Варвара Мясникова. И что 29 сентября 1935 года встреча с ней состоится в фабричном клубе.

Конечно, никого зазывать не пришлось. Свободных мест не было – все проходы были заставлены принесенными из заводуправления стульями. Кому не досталось мест, стояли вдоль стен, толпились в дверях. И все слушали как замороженные.

Анка-пулеметчица не подвела. Ярко, красочно она доносила до собравшихся эпизоды великих битв, свои впечатления от встреч с легендарными героями. Рассказывала о своей нелегкой судьбе простой крестьянской девушки, которую ветры перемен бросили в самое горнило истории. О долге перед партией и Родиной. И получалось у нее все не казенно, а душевно и искренне. Так что некоторые женщины-ткачихи аж прослезились.

Когда она закончила свой героический рассказ, ее завалили цветами.

– Спасибо, дорогие мои товарищи! Чувствую себя оперной дивой, – пошутила Анка, принимая букеты собранных с любовью в окрестностях цветов.

После окончания выступления ее обступили восторженные люди. Задавали вопросы. Даже протягивали открытки с портретами артистов фильма и просили автограф.

– Все, нашей гостье пора отдохнуть, – прервал затянувшееся общение с народом директор фабрики. – Пройдемте, Анна Ивановна, у нас уже накрыт ужин...

И Анка в сопровождении директора и парторга прошла за трибуну. Оттуда вела дверь в узкий коридорчик.

– Позвольте выразить свое восхищение, – произнес несколько старорежимно, но искренне парторг. – Как же хорошо, что вы приехали к нам. Времена ныне нелегкие. Индустриализация требует напряжения всех сил. И сейчас трудящимся как никогда раньше нужны герои, которым хочется подражать. Особенно такие очаровательные, как вы.

– Что я? Лишь девчонка, которой повезло стоять в боях рядом с титанами революции, – вздохнула Анка. И глаза ее опять увлажнились.

– Стол накрыт. Потом в гостиницу, там вам выделили самый лучший номер, – расписывал дальнейшую программу парторг, когда они с черного хода спускались по занесенным осенними листьями ступеням клуба.

На ступенях Анка на миг замерла, увидев молодого веснушчатого парня в пиджаке с комсомольским значком, галифе, начищенных хромовых сапогах и клетчатой кепке. Под мышкой он держал кожаную папку. Глаза паренька смотрели на нее внимательно, с иронией – так обычно родители смотрят на расшалившихся детей.

Анка, не слушая парторга, на деревянных ногах спустилась по ступенькам. Она молилась Богу, чтобы вывезла ее нелегкая.

Не вывезла. Молодой человек целеустремленно направился к ней и очень вежливо произнес:

– Здравствуйте, Мария Илизаровна. А я с Ленинграда все за вами гоняюсь. Вот и встретились.

– Вы обознались, – высокомерно, с прорезавшимися барскими интонациями бросила женщина.

– Да что вы? – широко улыбнулся парень.

Парторг попытался оттеснить его.

– Сержант госбезопасности Никифоров, – посуровел парень, продемонстрировав удостоверение оперативного уполномоченного НКВД.

Парторг при виде удостоверения сразу сдулся, но, еще не до конца осознав происходящее, сказал:

– Вы все же что-то напутали. Это Анна Ивановна, героиня Гражданской войны, соратница самого Чапаева.

– Героиня – это да. Но только другой пьесы. – Улыбка сержанта стала еще шире. – Что же вы одна работаете? А куда Петьку подевали?

Женщина презрительно скривила губы.

– Ну что же, пошли. И без глупостей, – сержант махнул рукой.

Подкатил дребезжащий «Форд» с брезентовым верхом.

– Домчим с ветерком, – приглашая в машину и все так же приветливо продолжая улыбаться, произнес чекист.

Эту ночь Мария Илизаровна Перпедюлина-Савойская провела в одиночной камере в местной милиции. А потом отбыла в город Ленинград, на свидание со следователем и целым сейфом уголовных дел, где она фигурировала в качестве подозреваемой.

Муж задержанной, Тудор Савойский, в это время в подмосковном колхозе выдавая себя за племянника наркома земледелия Михаила Чернова, думал, как лучше растрясти колхозную кассу под видом организации закупки необходимой сельхозтехники и потребительских товаров. Чтобы рассеять подозрения тех, кто сомневался в его высоком происхождении и возможностях, он демонстрировал трость с надписью «Слава ВКПБ», которую, с его слов, подарил ему лично всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

На допросе Мария Илизаровна Перпедюлина-Савойская таиться не стала и поведала как о своих, так и о мужниных проделках. Аргумент у чекистов против нее лично был настолько весомый, что ему трудно что-то противопоставить – очень уж ее дело тянуло на дискредитацию советской власти, а это смертельно опасно. В двадцатые годы ей приходилось изображать дочку члена Политбюро ЦК Бухарина, она попалась и отделалась легким испугом. Но сейчас времена были куда более суровые.

Мужа ее вскоре тоже взяли. А сама мошенница в камере строчила чистосердечные признания, делая упор на то, что корысть не была ее основным мотивом. Просто она хотела донести

до трудящихся все величие подвигов наших людей в Гражданскую войну. Напомнить о народных героях, пусть и таким способом.

Спасло ее то, что все слушатели, которые присутствовали на ее гастролях по заводам и фабрикам, городам и весям, говорили о положительном идеологическом эффекте – очень уж задорно и красиво агитировала она за советскую власть.

На суде мошенница делала упор на то, что у нее ребенок семи лет от роду и что она, навсегда покончив с преступным промыслом, сделает все, чтобы из сына получился достойный гражданин СССР.

К мошенникам и мелким ворам тогда отношение у Фемиды было снисходительное, поэтому Мария Илизаровна получила всего два года лишения свободы, которые без особого напряжения провела на одной из строек народного хозяйства. Освободилась досрочно за хорошее поведение.

Мужу дали четыре года, и он затерялся где-то на гулаговских просторах. Вроде был жив и искупал трудом свою вину.

А Мария Илизаровна после отсидки уехала в Днепропетровскую область, где в ветхом домике доживала свой век ее тетка, бывшая госпожа-надзирательница Смольного института благородных девиц.

Имея за плечами женскую гимназию, Мария Илизаровна устроилась работать в библиотеку. Она частично сдержала данное советскому суду слово и закончила с громкими гастролями. Но от старых привычек полностью избавиться не смогла и втихаря подрабатывала то торговлей поддельными золотыми изделиями, то мелким обманом обывателей. Работала осторожно, боялась попасться и получить срок по всей строгости, но деньги и хорошая еда в доме не переводились.

В одиночку ей приходилось растить сына – Лилиана, смышленного бойкого мальчишку с хитрыми-прехитрыми глазенками. Учился он хорошо, был смекалист – истинный сын своих родителей.

Однажды Лилиану вручили деньги на покупку школьных принадлежностей, которые собирали всем классом, – пионерское задание ему такое дали сдуру. А что – мальчик бойкий, искренний и такой симпатичный. Деньги он зажал, заявив, что их отобрали бандиты с железными фиксами. При этом так красочно и убедительно все расписал, что ему поверили не только учителя, но и милиционеры, приложившие немало усилий, чтобы найти выроdkов, обидевших пионера.

Мария Илизаровна, только глянув в честные глаза сынули, сразу все поняла и, с нескрываемым интересом рассматривая его, заключила:

– Да, сын, с голоду тебе умереть не грозит.

Было Лилиану Савойскому тогда от роду одиннадцать годков.

Глава 2

Давид Айратян лежал в кустах, боясь дышать. Сердце ухало в его груди, и казалось, что его дыхание и сердечный стук разносятся по всем горам.

Руки вспотели. На лбу тоже выступил пот, хотя майское утро 1969 года выдалось прохладным. Он крепко сжимал охотничье ружье. Еще недавно оно казалось ему грозным оружием, которым, как крупнокалиберной пушкой, он разнесет врага на мелкие кусочки. Сейчас же, видя перед собой пространства гор, деревья, извивающуюся узкую тропинку, парящих в вышине орлов, он со своей двустволкой ощущал себя маленьким и беспомощным. И это его сильно удручало. Еще недавно он думал, что является львом. А на деле оказался зайцем.

Больше всего ему хотелось сейчас отползти отсюда и незаметно, неслышно двинуть домой. Но это невозможно. Потому что тогда ему придется бежать из дома – ведь такого позора он не выдержит.

Давид перевел дыхание, перекрестился, едва слышно прошептал себе под нос старую армянскую охранительную молитву. И сразу полегчало. Нервозность немножко отступила. И он крепче сжал ружье. Никакая это не игрушка. Если попадет картечью – мало не покажется.

Он осторожно переполз чуть в сторону, чтобы лучше видеть тропинку. Где-то там, метрах в ста впереди, замаскировался Баграм. Уж он-то наверняка ничего не боится. Ему сорок лет, и он повидал немало. Он сделает все дело, а на Давида опять будет смотреть как на несмышленного мальчишку.

Давид горестно вздохнул. Мысли о неурядицах и постоянно задеваемом болезненным самолюбии притупили его внимание, и он едва не прошляпил нужный момент.

Он вздрогнул, когда различил справа от себя движение. Пригнулся, будто желая кротом ввинтиться в землю да там и переждать момент. И замер, опять боясь лишний раз вздохнуть.

По тропинке шел человек.

Сапоги, телогрейка, кепка – смотрелся он обычно. Высокий, с рюкзаком за спиной. Сперва Давид подумал – а вдруг не он. Но, присмотревшись, по хромоте, которую не могли скрыть осторожные плавные кошачьи движения человека, понял – это Ибрагим по кличке Лесничий.

Сглотнув комок в горле, Давид ощутил, как мерзкий холодок пополз по позвоночнику. О сверхъестественном чутье Лесничего, его нечеловеческой ловкости и меткости ходили легенды. И Давиду мерещилось, что его уже увидели. И сейчас произойдет что-то страшное. Ружье опять казалось игрушечным, стреляющим не картечью, а бумажными шариками.

«Как же грохочет сердце, – подумал Давид. – Лесничий сейчас меня обнаружит!»

Но Ибрагим продолжал беззаботно шагать по тропинке. Его ладонь лежала на висевшем на плече автомате с круглым диском – это был старенький надежный ППШ времен войны.

Ибрагим приближался. Шел по-хозяйски, неторопливо. И даже насвистывал под нос брагурный мотивчик, похоже, немецкий – его бывших хозяев. Он был уже в возрасте, но походка легкая, силы этому человеку не занимать. И он не ощущал опасности. Значит, разговоры о его колдовском чутье не более чем слухи.

Неожиданно что-то неуловимо изменилось в походке человека. Внешне картинка та же, но Давид готов был поклясться, что теперь это только игра.

Черт, неужели он все же почувствовал их!..

Нет, все-таки показалось. Лесничий продолжал свой путь как ни в чем не бывало и вскоре должен был подставиться под выстрел ждущего его в засаде Баграма.

Мгновение – и Лесничий оборачивается. Припав на колени, уже вскидывает свой ППШ.

Две короткие очереди по кустам. В ответ – крик.

Это в кустах заорал благим матом Баграм. Его достали пули!

– Выходи! – по-русски прокричал Лесничий, укрывшись за пирамидой камней, сваленных здесь кем-то в незапамятные времена. – Тогда, может, не убью дурака!

Давид переместился чуть в сторону. И спрятался за валуном в половину его роста.

Из кустов послышался стон. И Лесничий, выглянув из укрытия, дал еще одну короткую очередь.

Не было сомнений, что он добьет Баграма.

– Что делать? – спрашивал себя Давид. Лежать, забыв честь и достоинство? Позволить убить своего родного дядю? Это нехорошо! Но еще хуже лезть под пули. Лесничий почти пропал из его поля зрения. Если стрелять в него, нужно проползти метра два. Проще спрятаться – и будь что будет!

Ох, как же трудно делать что-то, когда делать не хочется. Но внезапно на Давида снизошло отрезвление. Он ясно осознал, что сейчас решается простой вопрос – мужчина он или овца?

И нехотя, будто прыгая в холодную горную речку, он пополз вперед.

Лесничий услышал его. И, резко обернувшись, послал очередь.

Пули смертельно пропели совсем рядом с Давидом. Или, может, пронзили его, но он не заметил? И жизнь сейчас уходит из него?

Нет, вроде цел. Пора решаться!

И Давид сделал самый отчаянный поступок в своей жизни. Он резко поднялся. Встал во весь рост. И тут же выстрелил в маячившую у камня фигуру. Прямо из двух стволов!

У него был один шанс. Перезарядить ружье ему не позволят.

Давид не верил в этот шанс. Он приготовился умереть. Умереть как мужчина.

Но умер Лесничий. Картечь настигла его. Он уткнулся лицом в землю, продолжая сжимать автомат.

Давид упал на землю. Пролежал минуты три-четыре, еще не веря в спасение. Было тихо. Только билось сердце, да где-то в кустах стонал Баграм.

Осторожно перезарядив ружье, Давид приподнялся и, согнувшись, направился вперед. Он держал на мушке уже не дергающееся тело Лесничего, под которым растеклась лужа крови. Неужели все? Вот так просто: нажатие на спуск – и проклятого Ибрагима не стало? Разве могло это случиться так просто? Разве мог это сделать он, Давид?

Он приблизился к телу и понял – Лесничий и правда мертв. Окончательно и бесповоротно. Картечь разворотила ему бок и шею. С такими ранами не живут.

Перекривившись от отвращения, Давид нагнулся над телом. Вырвал из цепких мертвых пальцев автомат и гордо повесил на плечо. А потом закричал:

– Баграм, ты жив?

– Ой, Давидик. Помоги! Он достал меня!

– Я убил его!

– Вижу. Иначе он убил бы тебя! Помоги!

Баграм лежал в кустах. Одна пуля процарапала ему кожу на голове. Другая пробила навывлет плечо.

– Кость не перебита, – выдавил стонущий Баграм. – Но хорошего мало. Кровью истеку.

Неумело оказав первую помощь своему дяде, Давид помог ему подняться и опереться о свое плечо. Баграм обладал борцовской комплекцией и был очень тяжел. Они побрели прочь, даже не попытавшись сокрыть мертвое тело. Это же Лесничий, гроза окрестностей, головная боль всей милиции и КГБ. Кому нужно разбираться в его смерти? Жил, как безродный пес, и умер так же...

До дома Айратяны добрались только ночью. Первое в жизни убийство несколько не взволновало Давида. Раскаяния он не ощущал. Гордости тоже. Было немножко стыдно

за свой страх, но тоже как-то блекло. Чувства выгорели. Возможно, они вернутся завтра, так что завтра и будем думать. А сегодня им владела только страшная усталость.

Давид провалился в тяжелый сон.

На следующий день был семейный совет. Давида усадили на почетном месте на террасе каменного двухэтажного дома, являвшегося родовым гнездом семьи Айратянов.

Баграм, весь перевязанный – голова, плечо, ослабевший, все же нашел в себе силы выйти на совет. И без утайки рассказал, как все было.

Сидящий во главе стола дедушка Варуджан, высокий, все еще могучий, которому всегда принадлежало первое и последнее слово, торжественно возвестил:

– Вчера был важный день. Мы сняли груз с нашей совести. Мы убили бешеного зверя. И выполнили свой долг.

Мужчины кивнули.

Десять лет семья пытались посчитаться с проклятым Ибрагимом. Но он был неуловим. Это был настоящий абрек, из тех, о которых так любят на Кавказе слагать легенды, но при ближайшем рассмотрении оказывающихся дикими зверьми. Лесничий поганил своими нечестивыми деяниями Кавказские горы двадцать семь лет. Поговаривают, во время войны он прислуживал немецким диверсантам. Когда фашистов погнали в шею, он с несколькими своими соратниками бандитствовал в Грузии, где нажил немало кровников. Оставшись один, переполз в Армению. Грабил. Убивал. Поговаривали, что он имел родственников и знакомых среди милиции и властей, делал для них грязную работу – это Кавказ, тут все сложно, и годы советской власти не смогли полностью сменить традиционный уклад. Десять лет назад он убил Вартаана и Нану Айратянов. По-подлому, за какие-то жалкие вещи и деньги. И семья посчитала, что у нее неоплаченный долг.

Все эти годы Айратяны искали его. Пару раз он был почти в их руках, но ушел. И вот им шепнули знающие люди, где он может появиться. Организовал засаду Баграм – главный боец семьи, бесстрашный, обученный владеть оружием. Взять он мог на дело священной мести любого, но взял Давида, сказав:

– Ему уже двадцать один год. Пришла пора доказать, что он мужчина.

Этот выбор родственники не особо одобрили, но спорить не стали. И так получилось, что именно Давид нанес решающий удар.

– Ты стал мужчиной. Настоящим, – заключил дедушка Варуджан. – И тебе пора уже заняться делом.

Давид в радостном ожидании посмотрел на сурового старейшину их семьи. Сейчас тот скажет что-то важное и судьбоносное.

– Баграм будет лечиться... А твой дядя Ашот, – кивнул дедушка в сторону пузатенького, лет сорока кавказца с пышными усами, компенсирующими отсутствие волос на блестящей лысине, – должен ехать в Россию по нашим делам. Ты будешь его сопровождать. И учиться вести его дела. Отныне это и твое дело.

Сердце у Давида екнуло. И забило радостно.

Лучшей награды он не ждал. Ведь цех по производству товаров для отдыха – это их семейное предприятие. Это настоящие деньги. Это высокое положение.

– Спасибо, – взволнованно произнес Давид. – Я не подведу...

Глава 3

Из динамиков радиоприемника, висящего на стене кабинета, послышался бодрый голос диктора:

«Говорит «Маяк». Московское время 12 часов 30 минут. Сегодня 16 мая 1969 года. Передаем последние новости.

Советская межпланетная станция «Венера-5» достигла второй планеты от Солнца и вошла в ее атмосферу. Бортовая аппаратура отработала в штатном режиме...

Президент США Никсон выступил с предложением одновременного вывода с территории Южного Вьетнама американских войск, войск союзников и вооруженных формирований Северного Вьетнама...»

Старший инспектор Московского уголовного розыска Владимир Маслов посмотрел на циферблат своих наручных часов и подвел время. Часы «Восток» отставали на минуту-другую в сутки. Купил он их, польстившись на современный вид и светящиеся в темноте стрелки. А вот старая «Ракета», приобретенная в 1961 году после полета Гагарина, которую он отдал недавно своему племяннику, шла идеально – можно сказать, как часы.

В дверь постучали. Зашел конвоир в синей милицейской форме, которую в ближайшее время в соответствии с вышедшим позавчера приказом министра внутренних дел СССР заменят на темно-серую.

– Товарищ майор, следственно-арестованный Аптекман доставлен, – отчеканил конвоир.

– Заводите, – кивнул Маслов.

В комнату ввели подследственного.

– Моисей Абрамович, – старший инспектор указал гостю на стул, – вы представить не можете всей грандиозности моего счастья от нашей неожиданной встречи.

– Ой, Владимир Валерьевич, – склонил голову Аптекман и чинно уселся на стул. – Если ваша радость хотя бы наполовину такого же масштаба, как моя, тогда это действительно нечто особенное. Знаете, как трудно сейчас найти понимающего человека. Я ценю наши милые беседы.

Старый матерый мошенник Моисей Аптекман по кличке Хинин (это такое жутко горькое лекарство против малярии) родом был из Одессы – жемчужины у моря. Маслов тоже считал себя одесситом – лучшие детские годы провел там, сроднился с прекрасным городом, впитав его специфический юмор и говорок. Так что тридцатидвухлетний, рослый, похожий на бурого медведя старший инспектор и убежденный благородными сединами, профессорской внешности, всегда гладко выбритый семидесятилетний вор действительно получали удовольствие от этих разговоров.

Маслов приготовил чай, выложил бутерброды. У них сложился ритуал общения – сначала чай и беседа за жизнь, а потом уже низкие материи, описываемые статьями Уголовного кодекса.

– Вы еще молоды, Владимир. А я помню такие времена, когда воры носили фраки. – Аптекман отхлебнул чай, и глаза его ностальгически затуманились.

– Вы что, с детства занимались экспроприацией денежных излишков?

– А чем еще заняться сыну бедного одесского сапожника, когда вокруг столько человеческой глупости? О, вы еще не знаете, какие я знавал времена! Каким человеком я был!

– Каким?

– Я был и героем-аэроавтом. И внуком Дзержинского.

– Это как же?

– У нас всегда бумажка была важнее человека. И я умел делать эти бумажки. Вы не поверите, какие я давал гастроли. Как в провинции меня носили на руках благодарные зрители.

Читали «Золотой теленок»? Очень реалистичное произведение. Про нас. Профессиональных артистов самодеятельной сцены.

– Это когда такое было?

– Двадцатые и тридцатые годы. Они прошли на творческом подъеме, Владимир Валерьевич. Какие были постановки! Какие типажи!

Маслов обожал подобные разговоры с такими вот осколками прошлого, как Аптекман. Мир поворачивался другими гранями. И история страны выглядела совершенно по-иному, гораздо более объемно.

– Мне кажется несправедливым, что советские люди строили предприятия, возводили плотины, воевали, а вы в это время им морочили голову и обирали, – заметил Маслов.

– Я тоже строил, уважаемый Владимир. Беломорканал – это не только любимые мной папиросы. Это мой пот и кровь. Зэка Аптекман даже грамоту от начальника строительства получил.

Мошенник улыбнулся, с умилением вспоминая старые добрые времена.

– Заболтались мы с вами, Моисей Абрамович, – с сожалением произнес Маслов. – Хотя это и очень интересно, но служба. Тут еще эпизодики подоспели.

– Да что вы такое знаете, чего я вам еще не рассказал? – изумился Аптекман.

В последние годы старый мошенник подрабатывал инспектором в различных торговых организациях. Правда, сами инспектирующие органы были не в курсе его героических трудовых усилий. Но те, кого он инспектировал, свято верили в его полномочия. Он изготавливал командировочные удостоверения, копии приказов, вполне профессионально копался в бухгалтерских документах, умело выискивая нарушения и даже хищения, – работай он на государство, цены бы ему не было. Потребкооперация, управления торговли, снабженческие конторки принимали его с распростертыми объятиями. Поили, кормили, как дорогого гостя. А когда он жаловался, что у него вытащили в трамвае кошелек, ему давали взаймы столько, чтобы ни в чем себе не отказывать. Иногда он брал дефицитные товары. А когда уезжал, товарищи на местах с облегчением восклицали: «Вот паразит. Ну и ворюги же наверху. Сталина на них нет». В девяноста процентах случаев никто и не думал писать заявления. Но были и сознательные граждане, которых бесил факт обмана. Тогда возбуждались уголовные дела.

– Поднакопилось малость старых грешков. – Маслов положил руку на объемную бумажную папку.

– Так говорите, и мы обсудим, нужны ли они мне, – посмотрел с интересом на это вместилище компромата старый мошенник.

– Вам не все равно? У вас эпизодов уже и так под три десятка.

– У меня принцип – беру только свое. А моим оно становится в случае стопроцентной доказанности в рамках уголовно-процессуального законодательства.

– Похвально, – согласился Маслов. – Вот, Левогорный райпотребсоюз. Вы взяли товара на сто двадцать рублей. Постоянно посещали рестораны за счет потерпевших. И еще заняли сто рублей.

– Ну что за люди?! Сами вор на воре, а ста рублей пожалели!

– Так вы признаете этот факт?

– Не надо торопиться, молодой человек. Пусть меня сначала опознают, найдите подтверждения – и тогда мы договоримся.

– Хорошо. А вот Озерское управление торговли.

– Ох, и эти негодяи здесь?

– Там вы имели неосторожность сфотографироваться на память.

– Да, тут не отвертись, – закивал Аптекман. – Заверните этот эпизод, я таки его беру...

Через некоторое время он попросил передышки.

– Голова разболелась, – вздохнул старый мошенник, снимая очки. – Ревизоры. Дефицит. Скучность духа все это. И за такие низменные материи веду беседу я! Человек, который служил у Чапаева!

– Как это? – не понял Маслов.

– Ну не смотрите на меня так, как будто хотите подарить смирительную рубашку на именины. Просто в тридцать пятом и тридцать шестом годах я гастролировал под маской Петьки.

– Это который из анекдотов?

– Это который из великого фильма «Чапаев».

– И Анка была? – усмехнулся Маслов.

– А как же... Ох, какая это была Анка. Красавица. Умница. А как зажигала публику!

– И вам верили?

– Конечно. Нам невозможно было не поверить... Ох, молодость. Какая женщина! – Он причмокнул и добавил с некоторой грустью по утраченным возможностям: – Я ее, наверное, даже любил. Но у нас были строгие правила. Я не дотронулся до нее даже пальцем, хотя были поводы и пикантные обстоятельства. Были...

– Почему упустили свой шанс?

– Я порядочный человек, – укоризненно произнес Аптекман. – А она была замужем и уже носила двойную фамилию.

– Какую, если не секрет? – заинтересовался Маслов.

– Только пообещайте, что не будете смеяться.

– Клянусь на Уголовном кодексе.

– Перпедюлина-Савойская.

Маслов все-таки хмыкнул, но тут же придал лицу серьезное выражение. А мошенник продолжил воспоминания:

– Она была старомодных взглядов, свойственных провинциальному дворянству. Сразу после революции в нашей стране процветала некоторая моральная распущенность. В Петрограде проходили демонстрации обнаженных людей с плакатами «Долой стыд». Пропагандировалась свободная любовь между комсомольцами. Троцкисты на полном серьезе говорили об обобществлении жен. Но мы были людьми старого воспитания. Она была из дворян. И с мужем венчалась в церкви. Так что я не мог посягнуть на ее невинную красоту.

– Муж тоже артист?

– Еще какой! Он давал такие представления, которые и не снились нам, простым смертным. Мастер. Только жалко, рано ушел. Лагеря сгубили.

– Неудивительно. С такими-то талантами.

– Кстати, у них был сын. Тоже очень способный мальчик. Взял фамилию отца – Савойский. Не слышали?

– Пока нет.

– Еще услышите, – с уверенностью человека, повидавшего жизнь, произнес Аптекман.

Глава 4

Целый год Давид после демобилизации никуда не выезжал из родного района. Поэтому теперь он полной грудью дышал воздухом свободы. Перед ним раскинулся огромный мир.

Они с дядей Ашотом добрались до красавицы Москвы. Оттуда отправились в сияющий золотыми куполами Ярославль, который ему очень понравился провинциальной невозмутимостью и неброской красотой. Даже мощные краснокирпичные здания ярославского комбината технических тканей «Красный Перекоп», отражавшиеся в водах реки Которосль, приводили его в восторг – в них было что-то величественное.

А вот на самом комбинате ждало сплошное разочарование. Выяснилось, что их заявку никто удовлетворить не спешит. Им требовалась дефицитная плотная синтетическая ткань для изготовления сумок. А ее как раз на всех и не хватало.

Дядя Ашот бился как рыба об лед, бегая по инстанциям в заводоуправлении.

– Важное для нашей страны производство встанет, – долдонил он настойчиво и эмоционально. – Надо поднимать национальные окраины. А вы как-то слишком легкомысленно к этому относитесь!

– Все производства важные. У нас есть первоочередные заказчики, – отвечали ему твердо и без лишних эмоций.

Так получилось, что в заводоуправлении сменились люди, и к новым ответственным сотрудникам Ашот пока не имел никакого доступа. Со старыми вопросы решались взаимовыгодно. С новыми, даст бог, все тоже наладится. Но это будет в будущем. А пока возник глухой тупик.

У Давида от этих неурядиц сильно испортилось настроение. И сказочная поездка была уже не в радость. Надо же так случиться – первое его серьезное задание провалено.

И тут появился спаситель. К Ашоту в коридоре заводоуправления подошел вальяжный мужчина, чем-то похожий на народного артиста РСФСР Павла Кадочникова. И благосклонно выслушал армянина.

– Совсем не думают о трудящихся! – бушевал Ашот. – С чем нам работать?!

– Какой артикул ткани нужен? – спросил мужчина.

Ашот, покосившись на незнакомца, не надеясь ни на что, назвал артикул.

– Есть небольшая партия, – кивнул мужчина. – На девятьсот рублей. Одна заковырка – платить нужно наличными. Но накладные и документы я вам предоставлю.

Ашот повеселел. Наличные у него были. И такой путь устраивал его куда больше. Будь его воля, вообще бы все скупал за наличный расчет, прикрываясь фиктивными документами. Все равно большинство продукции их цеха было левой, и за нее, в свою очередь, тоже платили наличными деньгами.

В тот же день рядом с забором комбината с одного грузовичка на другой был перекинут товар, и Ашот немного успокоился. Хоть что-то есть. Гораздо лучше, чем ничего.

– Маловато? – сочувственно осведомился спаситель, представившийся Павлом Николаевичем.

– Конечно, маловато. Может, еще есть? – заискивающе спросил Ашот.

– У меня ничего нет, – покачал головой Павел Николаевич. – Но я знаю людей, которые могут вам помочь.

– Так пускай помогут!

– Есть возможность провести поставку, но опять за наличные. Товар обойдется где-то в семь тысяч. Это строго по официальным расценкам.

– А сверху? – приподнял ладонь Ашот.

– Ну что вы? – возмутился Павел Николаевич. – Тут же не частная лавочка.

– Конечно, Павел-джан. Конечно, – с пониманием закивал Ашот. Если ему предлагают такую сделку, да еще с наличными, но при этом не берут сверху, это означает одно – продукция левая.

– Завтра в двенадцать приходите на комбинат. Я вас сведу с нужным человеком. Деньги приносите с собой. И транспорт должен быть наготове.

Деньги армяне получили с аккредитива в тот же день. С транспортом договорились. И в двенадцать были на проходной комбината.

А дальше все было как в тумане. Павел Николаевич познакомил армян с невысоким рыжеволосым молодым человеком. Тот был быстрый, ушлый, сыпал специфическими терминами, в общем, относился к категории типичных снабженцев – Ашот таких за свою жизнь насмотрелся немало. Началась беготня по инстанциям. Рыжий заходил в кабинеты. Оттуда выходил с подписанными бумагами, давал подержать папку Ашоту или Давиду. И исчезал в следующем кабинете. Выходил оттуда уже с новыми бумагами и накладными.

Через час такой беготни Рыжий вздохнул:

– Ну и трудное это дело!

– Мы отблагодарим, – заверил Ашот.

Рыжий подозрительно посмотрел на него и сухо произнес:

– Вот это ни к чему.

Наконец папка документов распухла. И предстоял последний бросок...

Возле финансового отдела толпился народ. Рыжий отвел армян в сторону:

– Все резолюции есть. Накладные подписаны. Машину подгоняйте к складским помещениям.

– Иди, – кивнул Ашот Давиду.

Тот отправился давать указания водителю.

– Последний удар – деньги надо внести, – сказал Рыжий. – Они у вас с собой?

– Конечно.

– Семь тысяч двести пятьдесят рублей двадцать копеек.

Они отошли к лестнице, где никого не было. Ашот протянул пачку, где было девять триста. Мол, сдачи не надо. Но Рыжий отсчитал сдачу до копейки.

– Только я с вами пойду, – сказал Ашот.

– Туда посторонних не пускают, – развел руками Рыжий.

– Без обид, дорогой. Однако такие деньги.

– Так. Вот вам документы на товар. – Рыжий протянул папку, а потом написал на подоконнике собственноручную расписку. – Вот расписка на деньги. Вот мой паспорт, если не верите.

– Да верю я вам, верю, – воскликнул Ашот, но паспорт взял, да еще пролистнул его, убедившись, что в нем фотография именно Рыжего.

– Подождите минут пятнадцать, пока в бухгалтерии все оформлю. – С этими словами Рыжий толкнул дверь кабинета.

Через пятнадцать минут он не появился. Не было его и через полчаса. Через сорок минут возник Давид:

– Машина давно ждет.

– Я тоже жду! – нервно воскликнул Ашот.

Потом они зашли в финансовый отдел, помещение которого оказалось проходным.

Ашот сразу все понял. И сказал:

– Кажется, нас обманули, племянник.

– Как же так? – удивился Давид.

– Мы нарвались на жуликов.

Перелистывая папку с документами, которую оставил мошенник, Ашот наткнулся на вложенную туда записку и со злостью витиевато выругался по-армянски. На листе аккуратно печатными буквами с ошибками было выведено:

«Пращайте ышаки горные. За науку вы заплатили».

Глава 5

Стучали колеса. Проносились за окнами вагона «СВ» сонные полустанки, трехколонные деревянные домишки, бесконечные леса и поля. Поезд ехал в украинские земли.

В двухместном комфортабельном купе отдыхали двое. В бархатном халате, покуривая трубку, сидел, поцеживая крымский коньяк, вальяжный мужчина – тот самый Павел Николаевич, продавший армянам ткань. В узких кругах его именовали Королем. Напротив него скучал давешний рыжий лжесотрудник ткацкой фабрики.

В солидном кожаном портфеле с золотыми застежками лежало несколько тысяч рублей. Пассажиры спального вагона возвращались домой с добычей.

– Все-таки удивляюсь я тебе, Король, – сказал рыжий прохвост – по паспорту Игнатий Сивухин, а по кличке Сивуха. – Как это ты умеешь ко всем подлезть, всех расположить. Хоть бы научил.

– Этому не научишь. Это свыше дано, – важно объявил Король.

– Свыше? Нет ничего свыше. Сплошной материализм.

– Это для кого как.

– Не хочешь помочь корешу в повышении образования.

– Сивуха, если бы мог – помог. Ты пойми – твоя роль всегда будет вторая. Без обид.

Сивуха зло посмотрел на него.

– Но вторая роль при мне – это как вторая роль в Большом театре, – попытался успокоить подельника Король. – Ими и народные артисты не брезгают. Так?

Сивуха поморщился и проглотил зеленую таблетку, запив холодным чаем без сахара. Его мучила язва, поэтому он не пил и не курил, зато постоянно глотал таблетки. Надеялся когда-нибудь излечиться, ходил по врачам и был страшно мнителен.

– Или забыл, как я подобрал тебя в поезде? – напирал Король.

– Не забыл, – буркнул Сивуха.

Король нашел своего ближайшего помощника, когда по очередному жульническому делу ехал в Куйбышев. Сивуха зашел в купе, надев железнодорожный китель, – собирать по рублю перед отъездом за белье. Жизнь его как раз дала трещину и довела до мелкого жульничества в поездах. Если быстро сработать, можно за раз собрать рублей тридцать. А потом на другой вокзал. И так день за днем. Однажды Сивуха попался, и ему пришлось сигать через открытое окно. Его всегда спасало, что он очень шустрый и быстро бегал.

В тот знаменательный день Король его раскусил практически мгновенно. И спросил, захлопнув на защелку дверь купе:

– Будем милицию звать?

– Гражданин, если не хотите платить, останетесь без белья, – хорохорился Сивуха.

– Гражданином ты следователя будешь называть. Годика три тебе дадут по доброте.

Сивуха понял, что влетел. Очень уж уверен и проникателен был несостоявшийся потерпевший – так ведут себя номенклатурные работники или сотрудники прокуратуры. А тут и поезд тронулся.

– Поговорим? – спросил Король.

– У меня билета нет, – грустно произнес Сивуха.

– Я договорюсь.

И Король договорился. А потом в лоб спросил:

– Не надоело по мелочам кусочничать?

– А что, есть варианты? – теперь уже заинтересованно полюбопытствовал Сивуха.

– Варианты всегда есть.

Их сотрудничество оказалось чрезвычайно плодотворным. Сивуха обладал массой специфических умений, которые по отсутствию воображения не мог никуда приспособить. У Короля с воображением все обстояло самым наилучшим образом...

Они только что обтяпали хорошее дельце. Теперь заскочат на день домой. А потом их ждала столица. И Король чувствовал себя конкистадором. Нет, скорее, Батыем – Москва заплатит ему дань.

– А здорово мы этих селян развели, – запив таблетки, Сивуха расслабился и повеселел, будто смерть, стоявшая над ним и уже занесшая косу, отступила.

– Да, это было исполнено изящно, – согласился Король.

– Слушай, все-таки не понимаю, ну как можно до такой степени баранами быть.

– Все мы иногда бываем баранами.

– Нет, они непроходимые бараны – и это приговор им по жизни, который обжалованию не подлежит.

– Это ты зря, – покачал головой Король. – В чем-то они могут быть умнее нас.

– Коз им пасти! – Сивуха возбудился. – Бараны, они и есть бараны. И я им записку оставил. Объяснил, кто они есть.

– Какую записку? – изумленно уставился на напарника Король.

– Поздравил с потерей денег и написал, что они бараны.

– Зачем?

– А чтобы помнили.

Король не мигая смотрел на подельника, будто желая прожечь взглядом наподобие лазера, созданного советскими физиками Басовым и Прохоровым. Потом спросил:

– Ты что сделал?

– А что? Оставил о себе память.

– Запомни, Сивуха. Это тебе не по карманам шарить. Мы серьезные люди. И никогда, послушай, никогда нельзя задевать человеческое достоинство тех, кого мы уговариваем поделиться деньгами.

– Это еще почему? Мы умные, а они дураки. Не грех напомнить об этом, – не сдавался Сивуха.

– Мы должны проявлять уважение к нашим зрителям и кормильцам... Если еще раз позволишь такое – будешь побираться по поездкам. Я понятно свою мысль довел?

– Понятно, – обиженно произнес Сивуха.

– И заметь, я даже не оскорбил тебя, хотя мог бы, имея явное физическое и моральное превосходство. Наматывай на ус.

Сивуха вытащил из кармана и проглотил еще одну таблетку. На этот раз успокоительную. И подумал: а ведь правда, сморозил ерунду. И главное – зачем? Ответа на это найти не мог. Он часто совершал спонтанные поступки и потом задавался вопросом: а на хрена мне все это было надо?

Глава 6

За столом на семейном совете собрались мужчины. Сосредоточенные и не лезущие в разговор женщины сновали за спинами, разнося еду и вино. Собирать гостей за пустым столом не принято. Но кувшины с вином гости пока не трогали. Разговор шел серьезный, и не дело, если он скатится в праздное застолье.

Председательствовал, как всегда, дедушка Варуджан. Притом занимал он это место не только по возрасту, но и по праву мудрого, решительного и жесткого человека. О его судьбе можно было снимать приключенческие фильмы. В молодости он состоял в партии эсеров и занимался экспроприациями имущества экспроприаторов – проще говоря, грабежами для пополнения партийной кассы. Потом примкнул к дашнакам – партии крайних националистов, и в 1918 году поучаствовал с ними в создании свободной Республики Армения. Повоевал с турками. Разочаровался в соратниках и переметнулся на сторону большевиков, которые в 1920 году установили власть в Армении и включили ее в состав Закавказской республики. После этого Варуджан занимал должности в советских органах. Но постепенно его потянуло к старым друзьям дашнакам, он заговорил о независимой Армении. Это ему припомнили в 1938 году, и он отправился на долгие пятнадцать лет в лагерь. Оттуда вышел не сломленным, но обозлившимся. И железной рукой многие годы держал в руках семью Айрутян, обеспечивая ее процветание. Сегодня должность зампредисполкома их. Начальника районного ОБХСС – их. Цех по производству летних платьев и курортной мишуры – тоже их, а это все деньги. Благополучие. Новые дома, личные автомашины. И, главное, уважение окружающих.

В свои семьдесят пять лет Варуджан не утратил физической стати и ясности рассудка. Иронично прищурившись, он смотрел на убивавшегося Ашота.

– Деньги, какие деньги пропали! – причитал тот.

– Деньги, деньги, – поморщился Варуджан. – Ты все время о деньгах.

– Но деньги – это...

– Мусор твои деньги! – хлопнул дедушка Варуджан широкой ладонью по столу. – За деньги умирают только низкие люди. Ты не понял, что случилось?

– Нас обокрали, – завопил Ашот. – Столько денег. Ая-яй... По миру пустил, волк хищный! За такие деньги две машины купить можно! Дом построить каменный!

– Замолчи, Ашот. Все гораздо хуже. Пойми, нас обманули. Нас, армян! Обманули какие-то безродные хорьки!

Действительно, это был стыд и позор. Ведь обмануть армянина – это надо постараться. Недаром говорят: когда армянин родился, еврей заплакал.

– Они не просто нас обманули. Они нас оскорбили. – Варуджан продемонстрировал ерническую записку и процитировал: – «Ишаки горные...» Если кто не понимает – это про нас.

Заметив мелькнувшую улыбку на устах одного из родственников, Варуджан повысил голос:

– Это про тебя, Ашот. И про тебя, Давид. И про меня!

Повисла драматическая пауза. Дед умел держать паузы – чтобы все почувствовали важность момента.

– Мы исправим это, – прервал он молчание. – Мы найдем их!

Он обвел глазами собравшихся. Никто не рисковал подать голос, когда он говорил таким жестким тоном.

– Баграм, – посмотрел Варуджан на своего сына.

– Да, отец, – привстал тот.

– Ты сделаешь это. Ты воин, а они, – слегка презрительно кивнул Варуджан в сторону остальных, – они торговцы. Их огорчает, что они не могут купить автомобиль. А ты имеешь понятия о чести семьи.

Баграм безропотно кивнул. Плечо его было перевязано – след той перестрелки в горах, но рана уже зарубцевалась. Мощный, здоровый организм человека, выросшего в идеальных экологических условиях, кандидата в мастера спорта по классической борьбе, быстро преодолел последствия ранения. И Баграма можно было выпускать на тропу войны.

– С тобой поедет Давид, – продолжил Варуджан.

Парнишка поднял глаза на деда. Его уши были красными – от стыда. Ему казалось, что все считают его главным виновным в происшедшем. Ему хотелось искупить свою вину. И вот теперь дедушка предоставляет ему такую возможность.

– Ты доказал, что способен на поступок, убив проклятого Лесничего, – изрек Варуджан. – И ты знаешь тех негодяев в лицо.

– Да, дедушка, я сделаю все, – закивал Давид.

– Баграм, Давид. Родные мои. Вы найдете этих грязных паршивцев. И возьмете у них наши деньги. И еще столько же за причиненные обиды и понесенные расходы.

– Хорошо, – кивнул Баграм.

– И вы накажете их.

– Что с ними сделать?

– Сделайте так, чтобы они надолго запомнили нас. А если увидите, что они упорствуют и не раскаиваются...

Он выдержал снова паузу. Потом вновь хлопнул ладонью по столу:

– Убейте их!

Давид удовлетворенно кивнул. Он с радостью выпустит кишки этим жуликам за свой позор и обиду.

– Мы все сделаем, отец, – кротко произнес Баграм. – Только как искать их в такой большой стране?

– Они воры, – сказал старый Варуджан. – А воры общаются друг с другом. Я помогу вам...

Глава 7

«15 июня в столице СССР открылось Московское совещание коммунистических и рабочих партий, на которое прибыли представители 75 стран. С приветственной речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев...

Президентом Франции на прошедших выборах избран лидер правой партии голлистов Жорж Помпиду...»

От чтения газеты Маслова оторвал звонок дежурного по МУРу.

– Маслов, давай в восемнадцатое отделение. Там по твоей линии серьезное преступление. Дежурная машина у главного входа.

– Уже лечу.

Вскоре от старомодного, с балкончиками и колоннами, большого здания ГУВД Мосгорисполкома на Петровке, 38, отчалил скромный зеленый «Москвич-408» без мигалок и надписей, обозначающих принадлежность к милиции. Инспекторы уголовного розыска форму надевают только на строевые смотры. Их настоящие фамилии не найти в городских телефонных справочниках и газетных статьях. И машина в угрозыске тоже должна быть неприметная. Сыску реклама не нужна – он любит тишину и незаметность.

«Москвич», разбрызгивая лужи от недавно прошедшего дождя, свернул на Садовое кольцо, промчался мимо строящегося здания Театра кукол.

Муровский водитель Прохор, разменявший в прошлом году пятый десяток, виртуозно лавировал между автобусами, обгонял «двадцать первые» «Волги»-такси с шашечками и зелеными огоньками, грузовики, старомодные роскошные «ЗИМы». Обошел троллейбус «Б», кружащийся, как заколдованный, по старинному Садовому кольцу, сменивший на этом посту в тридцатых годах трамвай, который в свое время вытеснил с этого же вечного маршрута конку.

– Машин все больше, – посетовал Прохор. – Ездить все труднее.

– Ну, до Нью-Йорка нам еще далеко, – возразил Маслов.

По телевизору он не раз видел, что творится на Западе. Вставшие намертво в пробках автомобили. Дым, гарь. Задыхающиеся люди, покупающие в автоматах кислород. Не хотелось, чтобы когда-нибудь Москва стала такой.

– Частников все больше. – Прохор произнес слово «частник» презрительно. – Это пока еще «Москвичи» да «Волги». А представь, что будет, когда завод «Фиата» в Тольятти запустят. Обещают уже в будущем году – на три годика раньше срока. Тогда вообще не повернешься.

– А сам бы не хотел «Фиат»? – спросил Маслов.

– Да ты что! Баранка – это работа. Чтобы еще и выходные из-за нее не вылезать! Да и баловство это буржуйское.

– Тут ты прав, – согласился Маслов.

Он тоже считал личный транспорт в городе обузой, притом очень дорогой. Зато любил мотоциклы и все, что с ними связано. И хотя сейчас он имел возможность напрячься и поднакопить на красную «Яву», но в городе не разъездишься, а дачи у него не будет никогда.

Мысли о машинах у Маслова были вовсе не праздными. Тот самый пресловутый частный автотранспорт как раз и был причиной этого выезда.

Шуршание шин сопровождал шелест эфира в милицейской рации и переговоры дежурного по городу:

– Улица Вилюйская, семейный скандал. Тридцать восьмой, разберитесь...

– Дмитриевского, около пивного бара конфликт, возможно, драка...

Обычный криминальный фон большого города, без излишних жестокостей – все же не Чикаго. Мелкие кражи. Бытовые конфликты. Хулиганство. На криминальные происшествия тут же выдвигаются патрульные машины, группы из отделений милиции и РУВД. На наиболее

серьезные, такие как убийства, разбои, едет опергруппа с Петровки – слава богу, это бывает не часто.

«Москвич» оставил позади старый кинотеатр «Форум», свернул на Сретенку, потом на улочку, носящую странное название Последний переулок, и затормозил около восемнадцатого отделения милиции. Рядом со зданием стояли синий «ГАЗ-51», использовавшийся для перевозки задержанных, а также «Волга» с громкоговорителями на крыше и надписью на боку «Госавтоинспекция».

– Ждать тебя, Володя? – спросил Прохор.

– Двигай в главк. – Маслов распахнул дверцу.

– А то могу подождать. Вдруг по горячим следам работа будет.

– Тогда местные подсобят. А тебя дежурный заждался.

– Ну, хозяин барин. Мое дело предложить, – несколько разочарованно произнес водитель.

Ему надоело скучать в Управлении – душа жаждала деятельности. По практике он знал, что с Масловым скучно не бывает. Старший инспектор везучий – нередко выезды с ним заканчиваются задержаниями преступников, а это процесс азартный и вдохновляющий, преисполняешься ощущения собственной нужности стране.

Но Маслов чувствовал – никаких задержаний сегодня не предвидится. Мошенники – это не какие-то воры-форточники или пьяные хулиганы. Редко их удается взять сразу после совершения преступления. Работа с этой публикой часто затягивается на месяцы. До работы в этом отделе он даже предположить не мог, насколько это специфический контингент и как он отличается от его любимых разбойников и грабителей.

Старший инспектор прошел в здание. За стеклом скучал дежурный, на скамейке сидела парочка доставленных, имевших вид опойный и виноватый.

Поднявшись на второй этаж, Маслов, постучав, вошел в кабинет заместителя по розыску, располагавшийся напротив дверей начальника отделения.

– Петрович, – он похлопал по плечу коренастого седого хозяина кабинета, – вижу, заскучал ты тут без меня. Вот потерпевших мне и подогнал.

– И не говори, – кивнул Петрович. – Экземпляры – первый сорт.

– Что там такое?

– Это надо видеть! – Петрович поднял трубку внутреннего телефона и через дежурного пригласил в кабинет посетителей...

Маслову как-то не представилась за всю жизнь возможность привыкнуть к тому, чтобы ему низко кланялись, сложив руки на груди. И он не знал, чем ответить, поэтому только кивнул:

– Садитесь, товарищи.

Товарищами были два узбека. Один – лет под пятьдесят, в набитом ватой и шитом золотом халате и тюбетейке. На его круглом лице застыла почтительная улыбка, а рыжая борода была жиденькая и несерьезная. Он напоминал Будду с индийских картинок. Второй – худощавый, поджарый, лет тридцати, тоже в тюбетейке. Но вместо халата на нем был светло-серый костюм с университетским значком и узкий галстук.

– Вот, потерпевшие, – кивнул на них Петрович. – Уважаемые Отабек и Худайберди Юсуповы из Сырдарьинской области.

– Оттуда, – закивал рыжебородый Отабек. – Родина моя. Советский Узбекистан.

Молодой узбек закивал ему в такт.

– Чем могу помочь? – спросил Маслов.

– Можешь. Очень можешь. – Рыжебородый кивнул на Петровича. – Товарищ начальник сказал, что большой начальник приедет. Что ты приедешь. Помогли. Нехорошие люди нас в Москве встретили. Ох, нехорошие. Украли все.

– Что и каким образом украли? – спросил Маслов, имевший со слов дежурного по МУРу лишь общее представление о происшествии.

– Машину «Волга», – произнес молодой узбек без акцента, ровным уверенным голосом, который выдавал в нем учителя или преподавателя вуза, привыкшего общаться с аудиторией.

– «Волга», «Волга», – с готовностью закивал, как китайский болванчик, рыжебородый. – Два «Волга».

– Две «Волги»? – удивился Маслов.

– Две, – подтвердил молодой узбек...

Глава 8

Баграм любил хорошо, со вкусом поесть. Правда, вагон-ресторан вряд ли мог удовлетворить его гастрономические запросы. Что такое овощной суп и пережаренный бифштекс с яйцом против любимых долмы, мантов и бозбаша? Но он был крупным мужчиной, а большому кораблю – большая цистерна топлива. Поэтому пришлось заказать все съедобное – и в двойном размере. Еще он взял три стакана томатного сока и графинчик коньяка «КВ». Сок был нормальный, хотя и немножко разбавленный. А коньяк неважный. Уж никак не пять звезд, как уверяло меню.

Баграм скривился:

– Из какой бутылки наливаете?

– Из соответствующей, – емко пояснила официантка.

– Это не тот коньяк.

– Никто не жаловался. Что дают, тем и торгуем, – нахохлилась официантка.

– Э, плохо торгуете. Себя не уважаете, – осуждающе произнес Баграм и поднялся с места.

Несмотря на свое недовольство, расплатился он с вечным «сдачи не надо». Этот жест возвышал его над обслугой. И отказать он себе в этом не мог.

Давид идти в ресторан категорически отказался, объявив, что ему хватит домашних лепешек. Зря, молодой еще, питаться должен хорошо, чтобы однажды стать таким же солидным и крупным, как его дядя.

Баграм удовлетворенно похлопал себя по выступающему животу.

Он неторопливо направился по вагонам. Когда поезд качало, опирался о стены. Протискивался с извинениями через стоящих в коридорах людей. Насквозь прошел переполненные плацкартные вагоны. Потом жесткие купейные. А вот и их мягкий вагон – с бархатом, зеркалом, плафоном на потолке и светильниками у каждой полки. Баграм не скупился на билеты. Они едут на важное дело и имеют право на комфорт.

Уже на подходе к купе, в котором они с племянником ехали вдвоем, он услышал галдеж. А когда открыл дверь, то оторопел. В купе набилась целая компания: неопрятный пузан в майке и спортивных брюках, небритый ловкач с хитрыми глазами и долговязый, с сальными длинными волосами, парень. Смех, шлепки карт по столу.

– Пацан, тебе опять везет, – безрадостно произнес ловкач.

– Я просто играть умею! – важно изрек Давид.

– Присаживайся, компанию составишь, – пригласил пузан.

– Что? – выпятил губу Баграм, ощущая, как в груди все начинает kloкотать. – Вы кто?

– Соседи твои, – пояснил ловкач. – Культурно проводим время. Не будешь играть, так не мешай.

– Мне везет, – прокомментировал Давид.

– Везет?! – заорал Баграм и гаркнул гостям: – А ну пошли отсюда, жулики!

– Ты чего раздухарился? – спросил ловкач. – Ты за базаром следи.

– Вы все жульё! Пошли вон!

– Не. – Ловкач, видимо, был старшим в компании и решил задавать тон. – Так не годится.

Он сделал нас, как младенцев, ему карта пёрла. Нужно нам дать возможность отыграться. Так что сядь и не отвечивай. У нас с пацаном свои дела. А ты газетку почитай.

– Газетку. – Еще немного, и у Баграма, как у быка, глаза затянет красная пелена, и тогда его ничего не остановит.

Поэтому он мысленно сосчитал до пяти. Глубоко вздохнул. И потянулся за фибровым чемоданом.

Игроки на него уже не обращали внимания. А напрасно.

Он открыл чемодан. Вытащил оттуда здоровенный нож. Ни один эксперт не признал бы его холодным оружием – этот инструмент для резки мяса продавался в хозяйственных магазинах и скобяных лавках. Но вид у него был угрожающий.

– Не люблю обманщиков, – зловеще произнес Баграм, глядя на незваных гостей и будто примеряясь, кто упитаннее и кого первого пустить на мясозаготовку. – Сейчас резать тебя буду.

– Ты что, сбрендил?! – отодвинулся от него долговязый. – Чего, на кичу решил заехать, баклан дешевый?

– Я сказал – пошли вон.

Ловкач сгреб карты, и всю троицу как ветром сдуло.

Баграм сел на кровать, положил на столик нож, поймав на себе затравленный и испуганный взгляд племянника.

– Как тебе не стыдно? – вздохнул Баграм. – Ты взрослый. Ты мужчина! И пустил в дом обманщиков!

– Почему ты так решил? – Уши Давида покраснели.

– Потому что я знаю! Надо родных слушать, ума набираться! Это шулеры. Они в поездах дурачков обманывают.

– Но ведь я же выиграл! Десять рублей! – Давид пододвинул в сторону дяди мятые купюры и мелочь.

– А проиграл бы сто! Тебя заманивали! Как рыбу на крючок. Десятью рублями купили!

Давид покраснел еще гуще. Ему было стыдно.

– Да задержись я, ты бы им и деньги, и ботинки отдал, да еще бы и шнурки погладил. Потому что мальчишка!

– Извини, – понурился Давид.

– О деле надо думать, – буркнул Баграм. – А не о том, как еще раз деньги обманщикам отдать.

Сам Баграм о деле думал постоянно. Но пока с трудом представлял, как будут вестись поиски. И советы дедушки Варуджана, дельные и ясные, по большому счету тоже не обнадеживали. Ну как можно кого-то найти на одной шестой части суши, с населением в двести миллионов человек, в тундрах, пустынях, тайге, городах. Страна эта – целая Вселенная, бесконечная и величественная. А затерявшиеся жулики – всего лишь букашки-короеды в огромном лесу.

Реально у них имелось несколько отправных пунктов для поиска. Паспорт, оставленный в залог, на имя некоего Рощина А. В., жителя Кривого Рога. Ерванд Аджоян, их родственник, начальник районного ОБХСС, послал телеграмму в тамошнюю милицию, и ему ответили, что Рощин год назад этот паспорт потерял, о чем имеется соответствующее заявление. Так что здесь ничего не найдешь. Оставался еще ярославский комбинат «Красный Перекоп»...

Следующим утром поезд прибыл в Ярославль.

В заводууправлении «Красного Перекопа» Айратяны переговарили с сотрудниками, при этом выдумав более-менее правдоподобную версию своего интереса. Баграм умел втираться в доверие. Он выставил бутылку коньяка из прихваченного на все случаи запаса. И люди вспомнили, что выписывали человеку, очень похожему на рыжего негодяя, товар по накладной. Заказчиком значилась Берёзовская швейная фабрика – это в Брестской области. Баграм был уверен, что все документы поддельные. Говорить об этом он не стал, но у сотрудника отдела сбыта было такое лицо, что нетрудно догадаться – он все понял. И теперь будет остороженько наводить справки – получила ли Берёзовская швейная фабрика ярославскую ткань... Брестская область. Это Белорусская ССР. Ну что же, направление задано.

– Поехали дальше, племянник, – сказал Баграм, когда они вышли за ворота комбината.

Глава 9

– Наш деды плохо жили, – сказал Отабек Юсупов виновато, будто извиняясь перед «большим начальником» Масловым. – На бая работали от зари до зари. За лепешку и воду. При советской власти хорошо живем. А хотим еще лучше, потому что честно и много работаем. Вот и приехали в Москву.

В республиках часто воспринимали Москву как некую сокровищницу. Действительно, в последние годы уровень жизни в СССР рос не по дням, а по часам. Страна оживала после безумных экспериментов необразованного волюнтариста Никиты Хрущева. Наполнялись прилавки. Теперь уже никто не вспоминал о том, что еще недавно Союз стоял на пороге голодных бунтов, как в Новочеркасске. Но все равно был дефицит. Потому сказочно звучали для иногородних слова – Московский ГУМ, ЦУМ, «Детский мир». Даже анекдот антисоветский ходил: китайцы Москву захватили, их генерал смотрит на карту – та вся желтая, значит, город взят. И вдруг видит красные точки неподдавленного сопротивления. «Что это?» – спрашивает он своего помощника. «Это ГУМ, ЦУМ и «Детский мир». Там до сих пор гости из Советских республик оборону держат».

Так что время от времени наиболее достойных представителей семейств снаряжали и отправляли в Москву за добычей, загрузив деньгами и длинными списками того, что необходимо достать.

В тот раз от семьи Юсуповых в Москву отправился Отабек – уважаемый всеми бригадир и орденоносец. В сопровождение ему был придан его двоюродный племянник – серьезный и образованный Худайберди, окончивший Ташкентский педагогический институт. По общему мнению, эти двое могли своротить горы и распотрошить потаенные сокровищницы столицы.

Они удачно сняли номер в гостинице «Золотой колос» около ВДНХ. Первые два дня наслаждались красотами столицы. Их душа пела, когда они шагали по брусчатке Красной площади. Когда любовались ажурными строениями ВДНХ, катались на пароходике по Москве-реке. Столица им не просто нравилась. Она вызывала детский восторг. Это был светлый город с приветливыми советскими людьми. Их удивляли женщины в париках и серебристых брючных костюмах, увешанные фотоаппаратами иностранные туристы в ярких рубашках. Радовали глаз красивые молоденькие москвички в ситцевых платьях. И Юсуповы расслабились. Но вскоре убедились, что в жизни слишком сильно расслабляться нельзя.

Следующие дни ознаменовались богатой добычей. Они купили компактный магнитофон «Яуза», импортные туфли, отрезы ярких тканей. Постепенно номер в гостинице наполнялся, и вставал вопрос – а как все это везти? Но это не важно. Главное – добыть как можно больше вещей.

От администратора гостиницы Юсуповы узнали, что в Москве на Бакунинской улице открылся новый магазин, где представлены образцы автомобильной промышленности СССР.

Автомобиль! Что там отрезы и магнитофоны! Вот если вернуться домой на своих колесах! Конечно, машину можно достать и в Узбекистане. Но там давали их или по знакомству, или передовикам, или в порядке растягивающейся на годы очереди. Спрос настолько опережал предложение, что вокруг автотранспорта в республике велись целые битвы. Но ведь Москва – это даже не Ташкент. Это сокровищница «Тысячи и одной ночи». И где, как не здесь, мечты должны сбываться?

Они добрались до магазина на Бакунинской. Полюбовались вожаделенными образцами – сияющими никелем «Москвичами-412» со старыми круглыми и новыми шестиугольными фарами, восхитились королевой салона – белой «двадцать первой» «Волгой». У Худайберди аж сперло дыхание, а у Отабека глаза увлажнились, как при виде породистого скакуна.

– Ой, – произнес Отабек со скорбью. – Почему она не моя?

– Давайте все узнаем, уважаемый Отабек-ака, – произнес учитель.

Вскоре выяснилось, что с машинами в Москве дело обстояло точно так же, как и не в Москве. Те же самые очереди на годы с отсрочками раз в неделю. Те же разрядки для передовиков производства. В общем, перспектив законно решить этот вопрос не было никаких.

Тогда узбеки осторожно взялись за активную разведку. Отабек заговорщически прошептал счастливицу, очередь которого на «Москвич-408» уже подходила:

– Продай очередь.

– Да что вы! – изумленно воззрился на него невысокий полноватый мужчина, похожий на успешного научного сотрудника. – Я столько в очереди стою. А вы – продай!

– Триста рублей дам.

– Не надо! – нервно откликнулся мужчина, мысли его были далеко, он, видимо, мечтал, чтобы время текло быстрее и чтобы настал тот миг, когда он выедет со стоянки магазина на новом синем «Москвиче».

– Пятьсот дам.

– Оставьте меня в покое! – воскликнул мужчина и растворился в толпе.

Еще пара таких заходов успеха не имела. И гости столицы совсем приуныли.

– Ладно, хоть туфли итальянские купили, – произнес расстроенный Отабек, который грезил машинами.

– Да, – кивнул учитель. – Пойдем.

– Давай еще посмотрим.

Глядели они на счастливиц-покупателей с грустью. И тут Отабека тронули за рукав халата.

– Что, завидно? – спросил интеллигентного вида невысокий худощавый мужчина в массивных очках.

– Зависть – недостойное чувство, – строго возразил Худайберди.

– Завидую, – неожиданно признался Отабек. – Конечно, завидую.

– Хочется такого белого рысака? – Интеллигент кивнул на «Волгу». – Новенького, полного сил. Чтобы только асфальт под колесами шуршал. И ветер в лицо.

– Хочется, – мечтательно подтвердил Отабек.

– Но не может, – вставил свое слово учитель.

– Вижу, хорошие вы люди, – произнес интеллигент. – Как бы вам помочь?

– А вы в силах? – заинтересовался Худайберди.

– Вы какую машину хотите? «Москвич»? «Запорожец»?

– «Волгу!» – отчаянно рубанул ладонью воздух Отабек.

– Ну, – протянул интеллигент. – В общем-то, не скажу, что это невозможно.

– Две «Волги!» – продолжил Отабек лихую кавалерийскую атаку.

Интеллигент засмеялся:

– А не много?

– Семья большая. Две «Волги» в самый раз.

Интеллигент задумчиво поцокал языком. Потом сказал:

– С кондачка такие вопросы не решаются. Есть один вариант... Но...

– Мы доплатим, – закивал Отабек. – Сколько скажешь!

– Сколько сможем, – поправил старшего учитель.

Нежданный благодетель опасливо огляделся и произнес:

– Тише, пожалуйста. И у стен бывают уши.

Отабек снова согласно закивал.

– Машины из лимитов Госплана, – продолжил интеллигент.

– О, Госплан, – с уважением протянул Отабек, которого много лет пугали планами заготовок хлопка и всевышним божеством по имени Госплан, спускающим их из самой Москвы.

– Вы же понимаете, там все немного по-другому. – «Благодетель» посмотрел на часы. – У меня там знакомый, высокий начальник. Он эти вопросы решает. Сегодня уже вряд ли что получится. Давайте завтра подъезжайте к Госплану – это в центре, любой милиционер скажет, как пройти. В двенадцать я вас жду... Если что, меня Виктором Степановичем звать.

– Я Отабек, – представился бригадир. – А это Худайберди.

– Знакомство состоялось. Надеюсь, что оно будет обоюдовыгодным.

– О да, будет, будет, – закивал Отабек...

Без четверти двенадцать Юсуповы стояли на гранитных ступенях Госплана, около входа, поражающего солидной массивностью дверей, чинным достоинством людей, которые входили и выходили. Сразу было видно, что здесь все очень серьезно.

Напротив Госплана возвышалась роскошная гостиница «Москва», на весь главный фасад которой краснел транспарант с портретами Маркса, Энгельса и Ленина и шел лозунг: «Да здравствует марксизм-ленинизм». Около гостиницы останавливались такси и черные «Волги».

– Очень важным надо быть, чтобы там жить, – кивнул на гостиницу Отабек. – Нас не пустят.

– Может, когда-нибудь пустят, – возразил учитель, у которого были большие карьерные планы на дальнейшую жизнь.

В двенадцать «благодетель» не появился. Узбеки отошли от главного входа и сиротливо ждали на углу.

– Обманул? – спросил учитель.

– Такой серьезный товарищ, – покачал головой бригадир. – Не верю...

Запыхавшийся Виктор Степанович появился в четверть первого.

– Дела государственные, будь они неладны, – виновато произнес он. – Но не страшно. Адеис Александрович все равно задерживается.

– Что, сегодня не получится? – разочарованно произнес учитель.

– Почему? Просто придется минут двадцать подождать.

Они простояли двадцать минут, ведя легкую беседу – какие красоты в Узбекистане, как готовить настоящий узбекский плов.

– Вон, – неожиданно показал Виктор Степанович на остановившуюся прямо перед входом в Госплан черную, полированную, как концертный рояль, «Волгу».

Узбеки с интересом посмотрели на нее, ожидая появления таинственного начальника. И тот с лихвой оправдал все ожидания. Водитель распахнул заднюю дверцу, и из салона степенно вылез Большой Человек. Бригадир Отабек разбирался в Больших Людах. Осанка, снисходительные манеры, движения начальника – все говорило о том, что он привык приказывать и наказывать. Весу добавляли прекрасно пошитый серый костюм из дорогого сукна и роскошная шляпа.

– Ай-яй, – в восхищении поцокал языком Отабек.

– Минутку. – Виктор Степанович бегом устремился к начальнику и настиг его уже около входа, подобострастно согнулся.

Начальник выслушал его, посмотрел в сторону узбеков, ждавших с замиранием сердца вердикта – а вдруг сейчас скажет: «Что пришли? Идите вон». Но он благосклонно кивнул, и Виктор Степанович махнул рукой.

Узбеки робко приблизились.

Начальник немного снисходительно посмотрел на них и протянул холеную руку, никогда не знавшую тяжелой физической работы.

– Меня зовут Адеис Александрович. Волею судьбы тружусь в этом заведении, – небрежно кивнул он в сторону дверей Госплана. – Виктор Степанович доложил о ваших трудностях.

Узбеки по очереди пожалы начальственную длань и теперь в ожидании опасливо смотрели на него.

– Что же, не вижу повода, чтобы не помочь трудящимся людям, – изрек Адеис Александрович.

– Ой, помоги. Мы в долгу не останемся, – закивал бригадир.

– Сложности есть определенные. – Адеис Александрович посмотрел на циферблат своих массивных золотых часов. – Дел много... Знаете, нечего тут маячить. Пойдемте в здание, там в спокойной обстановке обсудим все детали.

– Нас пустят? – забеспокоился Отабек.

Начальник только усмехнулся в ответ.

Виктор Степанович отбыл по своим делам. Остальные направились ко входу.

На дверях Адеис Александрович протянул швейцару шляпу и небрежно произнес:

– Это со мной.

Швейцар поклонился. Узбеки были приятно удивлены. Отабек гордо приосанился – как же приятно идти в сопровождении Большого Человека! Они проследовали на третий этаж по широкой парадной лестнице с ковром.

Высокие потолки, массивные деревянные двери, мягкие ковровые дорожки – все исполнено в лучших советских традициях. В пустых коридорах было тихо. Изредка сновали люди с папками под мышкой.

Около ниши с окном, откуда открывался вид на проспект Маркса, Адеис Александрович предложил:

– Давайте здесь переговорим. В приемной у меня народ, секретарша. А беседа у нас деликатная.

– Конечно, – закивал бригадир.

– Излагайте вашу просьбу. Только покороче. Время, знаете ли, не ждет...

Выслушав нижайшую просьбу об автомобилизации узбекской глубинки, начальник задумчиво почесал подбородок.

– Сложно, конечно. Но...

Узбеки с надеждой смотрели на него.

Тут из коридора появился невысокий человек, рыжий, в двубортном костюме и строгом галстуке. Радостно улыбувшись, он направился к начальнику:

– Адеис Александрович, обыскался вас. Срочный документ на подпись заместителю председателя Госплана. Ваша виза нужна. Антипов и Голиков уже расписались.

Рыжий протянул красную кожаную папку с тиснением «К докладу».

– Вы что, не видите, я с людьми разговариваю, – недовольно бросил Адеис Александрович. – Оставьте у секретарши в приемной. Я ознакомлюсь. После обеда получите.

– Спасибо большое, – закивал рыжий и поспешно удалился.

– Ни минуты покоя, – выразил недовольство начальник. – Вот что. У нас образовался фонд для премирования отличившихся сотрудников сельского хозяйства. На наше усмотрение... На мое, – добавил он веско.

– Так посмотри, как надо, уважаемый, – вкрадчиво предложил бригадир.

– Ну...

– Семьсот рублей, – произнес Отабек.

Видя, что сумма не слишком обрадовала, он тут же добавил:

– Тысяча.

– Ладно, уговорили. Давайте паспорта для оформления, – махнул рукой начальник.

Бригадир на миг задумался – как оставить паспорт незнакомому человеку? Он знал, как хитры бывают обманщики, которые зарятся на чужое добро. Но паспорт – это же не деньги,

зачем он кому нужен? Да и посмотреть на этого человека – у него служебная машина, кабинет в Госплане. Ему документы на подпись носят. Нет, так не обманывают.

Отабек решительно протянул паспорта.

– Завтра в то же время, – сказал начальник. – На том же месте.

Дальше были сплошные нервы. По аккредитиву узбеки получили в сберкассе деньги. Озирались, опасаясь воров и грабителей. Да, Москва спокойный город. Но ведь всякое бывает. А тут денег на две «Волги» – почти четырнадцать тысяч рублей. Да еще тысяча сверху. Огромное богатство.

На следующий день будущие автовладельцы были на месте за десять минут до назначенного времени. На этот раз Адеис Александрович появился вовремя. Он вышел из дверей Госплана и выглядел куда более благожелательно. Узбекам он улыбнулся, как старым друзьям.

Он провел гостей мимо того же швейцара, который уважительно поклонился. Поднялись на тот же третий этаж, на то же место.

– Все решено, подписано. – Начальник продемонстрировал папку с документами. – Осталось только внести деньги, получить накладную и с ней ехать на стоянку на юг Москвы, забирать машины. Права есть?

– Конечно, есть, – закивал бригадир, который не один год отработал водителем в совхозе, а учитель служил в армии в автомобильных войсках.

– Значит, поедете домой на своих машинах.

Они проследовали на четвертый этаж и остановились перед кабинетом с вывеской «Бухгалтерия. Время работы с 9.30 до 17.30. Обеденный перерыв с 13.00 до 14.00.»

– Давайте я внесу деньги, после чего отдам вам документы, – предложил начальник. – Годится?

– Сами внесем, – сказал Отабек, почувывая что-то неладное. Его чувства были обострены оттого, что на руках такая сумма. – Зачем вас утруждать?

– Вас кассирша не знает. Будет много вопросов... Ну что вы боитесь? Я похож на мошенника?

– Зачем так говорить, уважаемый? Конечно, не похож... Но деньги сами хотим отдать.

Отабек готов был сквозь землю провалиться от стыда, что обижает хорошего человека. Но вручать просто так целое состояние...

– Ох, вы создаете некоторые трудности. Хотя я понимаю ваши опасения. Деньги немалые... Вот что, возьмите мой паспорт в залог. – Начальник вытащил из кармана пиджака паспорт.

– Извините, уважаемый, – произнес, поклонившись, бригадир, но паспорт взял и протянул его учителю.

Адеис Александрович нырнул в бухгалтерию. А для узбеков потянулись минуты ожидания. В душе их кипела смесь чувств – тут и предвкушение вожаемого мига, когда мотор в своей машине заурчит и рука повернет рычаг скорости. И вместе с тем опасение – вдруг не получится. И еще страх за деньги... А потом и нарастающая паника, когда прошло сорок минут, а начальник все не появлялся. За это время в кабинет зашло и вышло уже полтора десятка человек.

– Что он там делает? – спросил учитель.

– Давай еще подождем, – примирительно сказал Отабек.

– Да сколько можно ждать?!

Худайберди толкнул дверь и зашел в просторный кабинет, где за деревянными счётами сидели три бухгалтерши и у стойки ждали два посетителя. Но начальника среди них не было.

– Уважаемая, – обратился к бухгалтерше зашедший следом за учителем Отабек. – Тут мужчина такой заходил, платить должен был. Высокий, в сером костюме.

– Какой мужчина? – недоуменно посмотрела на посетителя пожилая бухгалтерша.

– Вот, – бригадир продемонстрировал паспорт. – Где он?

– Да, зашел такой и ушел сразу. Даже ничего не спросил.

– Как ушел? Куда?

– Туда. – Женщина указала на вторую дверь.

Учитель подошел к двери, толкнул ее. За ней был выход в другой коридор...

– Шакал он, а не начальник! – воскликнул бригадир, завершив свой печальный рассказ. –

Зарезать бы его за такое, как барана!

– Ну, резать у нас наказуемо, даже преступников, – произнес Маслов успокаивающим тоном. – А вот ответить по всей строгости закона они должны.

– Ты их найдешь, уважаемый?

– Сделаю все, чтобы найти... Но вы нам должны помочь.

– Конечно, поможем!

– Для начала поедем на Петровку, посмотрим журналы. Может, узнаете этого начальника.

– Какие журналы? – удивился Отабек. – Он что, киноартист великий?

– Наши журналы. Там артисты другого жанра...

Глава 10

Баграм под стук вагонных колес радостно насвистывал новую песенку ансамбля «Поющие гитары» и время от времени даже напевал:

Синий-синий иней лег на провода.

В небе темно-синем синяя звезда, о-о...

– Радуюсь, что на след попали? – спросил Давид.

Его воодушевило, что им удалось вполне удачно показать себя сыщиками – пусть до успеха еще далеко, но начало положено. И как звучит – попали на след. Прямо как в кино!

Баграм посмотрел на племянника и усмехнулся:

– Как тебе понравилось, что эти жулики еще и комбинат «Красный Перекоп» обокрали?

– Негодяи, да, – закивал Давид. – Настоящие негодяи.

– Я не об этом... Видел, как лицо того типа в отделе сбыта вытянулось?

– Ну. – Давид еще не понимал причину энтузиазма своего дяди.

– Их же тоже обманули, как последних дураков.

– Обманули.

– Ты не понимаешь? То мы, Айратяны, были главными дураками. И тут видим не меньших дураков. А это, знаешь ли, уже совсем другое дело.

– Ну да, – вынужден был согласиться Давид.

– Тонкость тут есть. Психология это, племянник.

– Нужная наука.

– Учиться тебе надо, чтобы все знать. – Баграм налил в стакан, вставленный в подстаканник, пиво, купленное на остановке в вокзальном ларьке. Утром он прикупил также пяток свежих пирожков у перронных торговек. Пирожки были – объедение.

– Я с дядей Ашотом работать буду, – заявил Давид. – Там учиться необязательно.

– Будешь сумки шить до седых волос и продавать их, как я? А потом мошенников искать. А не лучше, как академик Амбарцумян, звезды изучать? Или, как академик Аганбегян, экономикой продвигать? Образование – это сила, племянник. Знания нужны. Диплом нужен.

– Наверное, да, – нехотя произнес Давид. Ему не нравилось учиться. Зато нравилось лазить по горам, искать обидчиков. У него был нерастраченный боевой дух.

– Я в свое время много упустил. Теперь жалею, невежественным дураком перед всем миром выгляжу... Ладно, Давид. Нам главное – успеть в Брест прежде, чем начнется шум вокруг того товара с Ярославля. Милиция подключится, а от нее нам надо держаться подальше...

– Я вот что не понимаю, – заявил Давид. – Ну, нас они обокрали – так мы, считай, частники-индивидуалисты.

– И сами всего боимся, – со смешком добавил Баграм. – Вот и надеются, что мы шум не поднимем.

– Хитрые, – кивнул Давид и покраснел, вспомнив, что после того, как их надули, они от избытка чувств отправились с Ашотом в отдел милиции, подняли там шум и только в последний момент сообразили, что в их делах правоохранительные органы не помощник. Хорошо, сообразили уйти оттуда до того, как с них взяли объяснение и паспортные данные. Об этой глупости они родственникам рассказывать постеснялись.

– Только с нами они ошиблись, – изрек Баграм. – Мы сами вопрос этот закроем.

– Но ведь они государство обманули. Государство! – выдал Давид с оттенком торжественности и опасливого уважения.

– А что государство?

– Если мы их везде ищем, то государство уж точно в покое не оставит. У государства армия, милиция. Сила!

– Ой, Давид. Сколько же тебе еще предстоит узнать, пока доживешь до моих седин. Думаешь, государство все видит? Да у него порой воровать легче, чем у последнего растяпы.

– Это ты неправильно говоришь, – возмутился Давид.

– Помнишь Оганеса из Еревана, племянника бабушки Лусине?

– Он к нам приезжал год назад. У него «Москвич-408» красный.

– Оганес после войны в Молдавии строителем работал. В войсковой части. Настоящая строительная войсковая часть. Караул под ружьем. Пулеметы в оружейке. Все по уставу. И командир – такой плечистый полковник, орел, очень строгий. Во время войны сам мародеров и нарушителей дисциплины расстреливал. Оганес по восемнадцать часов надрывался, план давал. Хотя платили хорошо. А однажды один работник, которого с облигациями обманули, жалобу написал в Министерство обороны. И через несколько дней государственная безопасность с прокуратурой приехали. И всех арестовали.

– За что? – удивился Давид.

– Оказалось, часть поддельная была.

– Как это, воинская часть – и поддельная?

– Прокуратура установила, что этот командир строительное образование еще до войны получил, с ГУЛАГом каналы рыл, там все ходы-выходы узнал. В первые дни войны он, старший лейтенант, вместе с шофером своим из части сбежал. Собрал вокруг себя таких же дезертиров, которым по законам военного времени расстрел положен. Они по поддельным документам строительный батальон создали по обслуживанию тылов. И так разумно всё обтяпали, что тыловое командование было уверено – часть настоящая. Они туда подбирали отставших от своих полков солдат, даже с военкоматов им пополнение присылали.

– И никто не заподозрил ничего?

– Война, неразбериха. Так они до Берлина дошли. Оттуда целый состав с трофейными машинами и тракторами привезли. До середины пятидесятых годов и доработали. Договора заключали, дороги строили, план выполняли. Полковник перед пионерами выступал, за трибуной в обкоме стоял. И случайно все всплыв. А ты – государство. Смешно!

– Что с полковником стало?

– Как что? Расстреляли.

– Вот видишь. Все-таки расстреляли.

– А скольких не расстреляли? Сколько контор работает, а мы и не подозреваем, что они негосударственные?

– Много?

– Не знаю. Одну знаю точно.

– Правда?

– Да, Давид. Это мы. По бумагам – государственный цех. А по факту – сплошная частная лавка.

– Но это же семейное дело, – обиделся вдруг Давид. – Мы своими руками все делаем. И на нас никто внимания не обращает.

– Не обращают. Пока прокурор и начальник ОБХСС родственники и свою долю от нашего дела имеют.

– Ну, правильно. Мы же в Армении. У нас все справедливо, – угрюмо произнес Давид.

– А завтра назначат какого-нибудь азербайджанца прокурором. Который нам никак не родственник. И объявит: «А цех подложный!» И придут к нам. Скажут тебе: «Работал там? Так собирайся в тюрьму». И как тогда?

– Тюрьма – нет. Не пойду... В горы уйду, – уверенно произнес Давид.

– И будешь там двадцать лет лазить?

- Буду.
- И будет тебя государство там двадцать лет искать. И где тогда его вселили?
- Да. – Давид получил много пищи для размышлений. – Но ведь этого не будет.
- Пока родственник прокурор – не будет...

В Брест поезд прибыл рано утром. Айратяны сдали свои объемные чемоданы в камеру хранения. С собой Баграм прихватил только рюкзачок защитного цвета с «пропуском» – тремя бутылками пятизвездочного армянского коньяка. Запасы божественного напитка таяли, пополнить их будет нелегко, но ничего не поделаешь.

Они узнали, как добраться до города Берёзы, где располагалась швейная фабрика. На автовокзале сели в старенький, но просторный и уютный междугородний автобус «ЗИС-127», проехали на нем сто километров с большим комфортом.

Город, рассеянный рекой Ясельда, был невелик, уютен, в основном частной одноэтажной застройкой. Но в зелени садов белели острова пятиэтажек. Золотились церковные купола. Зловеще чернели развалины древнего картезианского монастыря.

На местном автобусе путешественники доехали до швейной фабрики. И Баграм с бутылками коньяка наперевес пошел на штурм этой крепости.

Годы разъездов по складам, фабрикам, выбивания материалов и мелкого взяточничества не пропали даром. Баграм моментально нашел общий язык с заводскими. И вскоре Айратяны сидели в просторном, метров семидесяти квадратных, кабинете заводоуправления, где работали снабженцы и отдел сбыта.

Баграм слезливо, с чувством и обидой, изложил историю, как их обокрал жулик, представившийся работником Берёзовской швейной фабрики. И продемонстрировал его паспорт.

Пузатый, огромный, с курчавой бородой начальник отдела снабжения внимательно изучил фотографию на паспорте и заключил:

- Нет, у нас таких сотрудников не было.
- Он такой рыжий.
- Не было рыжих.

Подожли женщины-сотрудницы. Тоже отрицательно покачали головами:

- Не видела.
- Не знаю...
- Э-э, жалко, – вздохнул Баграм. – Он ведь и вас обокрал.
- Это каким образом? – насторожился начальник отдела снабжения.
- По вашим накладным товар получил. На три тысячи рублей.

Бородач аж запыхтел, как паровоз. Лицо его пошло красными пятнами.

Из закутка в углу вылез и подошел к столу невзрачный дистрофичный счетовод. На его лице выступали красные прожилки, пальцы слегка тряслись – судя по всему, этот человек крепко дружил с зеленым змием. Он тоже посмотрел на паспорт и нарочито бодро закачал головой:

- Не было такого у нас. Я бы запомнил такую вражью морду. Точно не было.
- Тебе откуда знать, Трофим? – недовольно покосился на него начальник отдела.
- А чего, у меня глаз нет? – возмутился Трофим, потом вернулся на свое место, уселся на скрипучий венский стул и с деланным равнодушием защелкал счётами.

- Спасибо, мы пошли. – Баграм встал.
- Если мы можем еще помочь... – произнес бородатый начсбыта.
- Да нет. Спасибо, дорогой. Мы сами.

Когда вышли с фабрики, Давид спросил:

- А дальше что?
- Дальше все хорошо. Молодцы мы, что сюда приехали.
- Молодцы? О чем ты говоришь? – удивленно посмотрел на дядю Давид.

- Помнишь того пьяницу, который все восклицал, что никого не видел?
- Помню.
- Так он все видел. У него на лице написано.
- Да? – с сомнением протянул Давид.
- Да, – заверил Баграм.

Пусть он не оканчивал институтов и не знал высшей математики, но зато отлично разбирался в людях, чувствовал фальшь. Если бы тогда в Ярославль с Ашотом поехал он, а не Давид, то ничего бы не случилось. Потому что он видел жуликов насквозь. Но научить этому искусству никого не мог – это или дано, или не дано. Вон из Давида вырастет со временем хороший воин и опора семье. Может быть, он, способный и смывленный, получит высшее образование. Но дара проницательности ему не видать. А это опасно – ведь можно обмануться в людях, а последствия такого обмана могут сломать жизнь тебе и твоей родне.

- Но он же ничего нам не сказал, – возразил Давид.
- Плохо спрашивали. – Баграм посмотрел на часы. – Рабочий день у них через два часа заканчивается. Успеем пообедать.
- А потом?
- Потом вернемся. За этим самым Трофимом.
- А как...
- Э-э, что ты все вопросы задаешь? Если бы ты в горах, когда в нас Лесничий стрелял, вопросы задавал, где бы мы сейчас были?
- Убил бы он нас.
- Вот и сейчас мы как в горах. А тот пьяница – если отказывает нам в помощи, значит, он нам не друг. Он нам враг. И поступать с ним будем, как с врагом.

Давида пробрал озноб. А потом загорелось предвкушение горячего дельца. В конце концов, они же не хаш приехали сюда кушать!

Глава 11

Узбеки уже третий час рассматривали альбомы с физиономиями профессиональных мошенников, а также контингента, способного на совершение подобных преступлений.

В МВД хватает всяких картотек, учетов преступников по судимостям, отпечаткам пальцев, кличкам, воровским специальностям. Но для оперативника самым удобным является альбом, где распределенные по воровским специальностям жулики и бандиты присутствуют в виде фотографий в фас и профиль, снабженных краткими анкетными данными, воровскими кличками, перечнем попорченных ими статей Уголовного кодекса. Этими пухлыми альбомами завалены шкафы в линейных отделах МУРа.

– Не этот, – бригадир цокал языком. – Этот худой какой-то. А тот важный был, лицо гладкое. Настоящий бай, чтоб его разорвало!

В конечном итоге Отабек отодвинул от себя последний альбом и объявил:

– Никого из тех троих здесь нет. Плохой альбом. Неполный.

– О как! – Маслов усмехнулся беззлобно. – Это вы мошенников таких нашли, которых даже в альбоме нет.

– Да, глупец я, глупец. – Бригадир дернул себя за бороденку, как старик Хоттабыч из одноименного фильма. – Как я домой вернусь? Без денег, без всего...

– Ну, не последние, наверное. Еще на пару машин наберется?

Узбек кинул на старшего инспектора обиженный взор:

– Зачем так говорить? Все честным трудом заработано. Хлопок этими руками убираю. Много хлопка.

Маслов был не мальчиком, знал, что Восток – дело тонкое. Много там пережитков прошлого. Секретарь райкома у них как очень большой бай. Председатель совхоза – большой бай. Бригадир – тоже бай. И деньги там гуляют по каким-то неизвестным науке траекториям, как неоткрытые кометы. Но об этом пусть болит голова у узбекских коллег.

– Вы сейчас возвращайтесь обратно в отделение милиции, – подытожил Маслов. – Там оформите все, как надо для возбуждения уголовного дела. А завтра в девять часов у меня. Поедем в Госплан.

Увидев, как напряглись потерпевшие, он усмехнулся:

– Не бойтесь. Все равно с вас больше взять нечего.

– Ой, позор на мою голову. – Стеная, бригадир вышел из кабинета. За ним устремился учитель.

На следующий день Маслов с потерпевшими отправился в Госплан, предварительно созвонившись с ответственными товарищами. Там узбеки на месте в присутствии понятых показали окно, у которого договаривались о покупке машин, и бухгалтерию, через помещение которой просквозил мошенник с деньгами. Появилась уверенность – потерпевшие не врут, не выдумывают, действительно их обобрали именно в этом месте. В Госплане СССР! Да, на рынках, в магазинах и на улицах жульничали время от времени. Но чтобы в таком учреждении! Его работники смотрели на сотрудников милиции, проводящих следственные мероприятия, с изумлением на грани шока. Что-то было в происшедшем святотатственное. Все равно как воровать пожертвования в церкви на Пасху.

Пожилая бухгалтерша подтвердила, что в день совершения преступления действительно заходил статный мужчина:

– Спросил: почему Никанорову из третьего отдела премию не начислили? Я сказала, что в списке такого нет. Он извинился и ушел. А потом узбеки ворвались. Один в шитом халате. Все спрашивали: где он? А я знаю, что ли? Никогда у нас ничего такого не было! Мы же Госплан!

Если бы пропускная система была как двадцать лет назад, когда двери охраняли милиция и чекисты, ничего такого не случилось бы. Но в мирные времена, когда в стране тишина и покой, в государственных учреждениях вооруженных бойцов заменяют вахтеры. Хотя пропускную систему никто не отменял.

Шестидесятилетний вахтер Прокопов, два раза пропускавший посторонних в здание, был выходной и дома за обеденным столом баловался перцовочкой. Оперативники доставили его на Сретенку в Последний переулок, в кабинет, оккупированный Масловым.

– Как же вы, Никита Родионович, врага в охраняемое учреждение пустили? – спросил старший инспектор МУРа.

– Какого врага? – не понял седой, морщинистый вахтер.

– Жулика. Превратили Госплан в притон.

– Да что вы! – Вахтер возрился на Маслова изумленно, пальцы потянулись, чтобы перекреститься, но он вовремя вспомнил, где находится, и сжал кулак. – Чтобы я! Да никогда!

– Четырнадцатого и пятнадцатого июня вы пропустили на объект гражданина в шляпе и двух узбеков. Было такое?

Вахтер понурил плечи и кивнул:

– Было.

– И как вы объясните это?

Вахтер пожал плечами.

– Что молчите? – давил Маслов. – Это соучастием пахнет. Без соответствующих документов пропустить мошенника в режимное здание. А он, воспользовавшись этим, похитил пятнадцать тысяч рублей.

– Сколько?!

– Пятнадцать тысяч.

Тут Никита Родионович все же не выдержал и перекрестился. И всхлипнул:

– А мне десять рублей кинул.

– Вы за десятку без пропуска пустили?

– Да был у этого брандахлыста пропуск! – возмутился вахтер. – Я что, малец, службы не знаю?! Был!

– Точно?

– Как положено. С фотографией!

– А узбеки?

– У того гада красная полоса в пропуске была – это значит, до трех человек, минуя бюро пропусков, провести с собой право имеет.

– Бардачные у вас порядки!

– Не я их выдумал!

– А за что десятку дали?

– Этот брандахлыст подошел. Сказал, что важных людей приведет, передовиков труда. Покрасоваться ему перед ними надо. И дал десятку. Значит, чтобы я, как в старые времена, раскланялся и шляпу его принял. Буржуй недобитый!

– А вы?

– А десятка лишняя?

– Его фамилия, имя?

– Да не помню я!

– Сколько раз его видели?

– Ну, раза три.

– Значит, он в Госплане не работает. Откуда тогда у него пропуск?

– А это не моего ума дело...

Итак, пропуск был. Черная «Волга» была. Где «большой начальник» их взял? Хотя с «Волгой» – это легко объяснимо. Маслов знал, что высокие руководители, просиживая штаны на совещаниях, обычно отпускают своих водителей на все четыре стороны. А те в последнее время взяли за правило подрабатывать извозом граждан, отчаявшихся поймать такси. Да, такси в городе не хватает по причине их доступности – десять копеек километр. Вот и извлекают водители разных шишек нетрудовые доходы. Мелочь, в общем-то, но с таких мелочей и начинается разложение. Милиция это явление полностью пресечь не в силах – каждую машину не проверишь. Так что жулик, скорее всего, договорился с таким шофером... Ну, и что это дает следствию? Все черные «Волги» проверить нереально, а ни одной цифры из номерного знака узбеки не запомнили.

А вот по поводу пропусков кое-что удалось выяснить. Неделю назад у сотрудника Госплана, возвращавшегося в автобусе после работы домой, вытащили портмоне с деньгами и пропуском. По этому поводу он обратился в милицию, но преступников не нашли. Ему выписали новый пропуск.

В деле был паспорт, который мошенник отдал в залог потерпевшим, – на имя жителя Запорожской области. Маслов послал в Запорожье телеграмму. Ответ пришел быстро – паспорт значился среди утерянных. Эта дорожка тоже уперлась в тупик.

Маслов был уверен, что жулики не местные. Паспорт иногородний. В альбомах их нет, хотя там присутствуют практически все квалифицированные московские аферисты. И старший инспектор не мог припомнить за последнее время такие масштабные постановки – так мошенники называют свои представления, когда несколько человек разыгрывают спектакли, дабы заморочить голову жертвам. Сто процентов, здесь трудились гастролеры. И они вполне могли отметиться в других регионах. Время от времени приходят телетайпограммы со всего СССР о схожих фактах.

Маслов направил по регионам и в МВД СССР запросы по аналогичным преступлениям.

Через два дня его вызвал к себе в кабинет начальник отдела и приказал:

– Готовь обзорную справку по узбекам. Собирай материалы. Завтра тебя ждут в Управлении розыска МВД Союза.

– Что им надо? – опасливо спросил Маслов.

– Заинтересовал их этот висяк.

– К кому идти?

– К Поливанову.

– К Виктору Семеновичу, – обрадовался Маслов, услышав фамилию своего бывшего начальника, в прошлом году переселившегося из МУРа в кресло начальника имущественного отдела УУР МВД СССР. Это был человек, авторитет которого был для старшего инспектора непререкаемым. – Это хорошо. С ним горы свернем.

– Только не подхвати горную болезнь, – хмыкнул начальник отдела. – В министерстве не только возможности большие, но и ответственность неслабая.

– Где наша не пропадала!

Глава 12

С избранной позиции глазастый Давид отлично видел проходную. Завершился рабочий день, и народ валил валом. Через забор с территории фабрики перебросили мешок, ушлый мужичонка тут же деловито подобрал его и неторопливо скрылся в кустах.

– Ты смотри, что творят! – возмутился Давид.

– Э-э, ты туда не смотри. Там не наше дело. Ты туда смотри, – ткнул его под ребра локтем дядя – он не мог похвастаться таким орлиным зрением и в последнее время иногда вынимал из кармана очки, которых стеснялся.

Давид едва не пропустил нужного им человека. В толпе работяг Трофим проскользнул незамеченным. Но потом открылся взору, когда, отойдя к забору, начал методично обшаривать свои карманы, извлекая мелочь и чуть ли не пробуя каждую монету на зуб. Вид при этом имел невеселый.

Выудив из нагрудного кармана желтой байковой рубашки еще пару монет, счетовод повеселел и бодрой походкой направился к автобусной остановке.

– Смотри, чтобы он нас не заметил, – напутствовал Баграм.

– Нам с ним все равно в автобус лезть, – заметил Давид.

– Тогда не смотри на него. Мол, мы ни при чем.

– Я тучка, я вовсе не медведь, – процитировал Давид вышедший недавно на экраны и сразу полюбившийся всем мультфильм «Вини Пух».

– Какой медведь? – не понял Баграм.

– Из мультфильма.

– Э-э. Ты не расслабляйся. Смотри внимательнее...

На их счастье, пьянчуга Трофим был углублен в себя и не смотрел по сторонам. Автобуса он ждать не стал, а проследовал мимо многолюдной остановки и двинулся дальше, в сторону пятиэтажных новостроек. Похоже, он жил где-то неподалеку.

Давид ощущал себя контрразведчиком из приключенческого фильма. На миг ему показалось, что он преследует иностранного шпиона, который должен отравить водохранилище. Но тут же ему подумалось, что вовсе он не чекист, а ведет себя больше как бандит. Бандит? Да нет. Отважный горец, который не прощает обид. И эта мысль его еще больше воодушевила.

Трофим свернул к дощатому покосившемуся сараю с вывеской «Пиво», перед которым стояли высокие столы для употребления пенного напитка стоя – «чтобы больше влезло». Толпились там и телогреечные завсегдатаи, и гордые портфеленосцы, и задумчивые очкарики. Стоял галдеж, как на птичьем базаре.

Трофим здесь был своим в доску. Он пожимал руки, хлопал приятелей по плечам и спинам. Встал в очередь и по мере ее продвижения долго отсчитывал медяки. Потом объяснялся с продавщицей – похоже, денег не хватало. Но все-таки получил две кружки пива и поставил их на самый крайний столик. Жадно осушил сразу целую кружку. Вытащив из кармана широких брюк завернутую в фольгу рыбу, отщипнул кусочек и стал меланхолично пережевывать. Попутно от щедрот плеснул какому-то доходяге в пустую кружку немножко пива.

Разглядывая все эти бытовые сценки издали, со стороны лесополосы, идущей вдоль берега реки, Баграм раздумывал, удастся ли его задумка. Счетовод все время на людях. А для разговора с ним свидетели не нужны.

Наконец пьянчуга закончил со второй кружкой, перевернул ее, потряс, проверяя, нет ли там еще капельки, с сожалением поставил на столик. Распрощался с братвой и направился дальше.

К радости Баграма, путь счетовода лежал к мосту – на той стороне реки раскинулись частные кирпичные и деревянные домики.

Дорожка завилыла между деревьями и кустами. И, что отрадно, в этом месте сейчас было совершенно безлюдно.

– За ним! – азартно воскликнул Баграм, подталкивая племянника.

Трофима они настигли перед самым мостом. И там не было никого, кто мог бы помешать доброй беседе.

– Э, Трофим, стой! – крикнул Баграм. – Поговорить надо.

Счетовод оглянулся. Увидев армян, немного присел, будто получил удар по голове. А потом припустил прочь со всех ног.

Но куда закоренелому пьянице соревноваться в беге с выносливым, стремительным, выросшим в горах Давидом? Тот настиг его, в прыжке сбил с ног и навалился на спину:

– Ты бегать будешь, баран, да? Ты говорить не хочешь, да?

– Отпусти! – захныкал счетовод.

Подбежал отставший Баграм. И армяне оттащили пленного в сторону – в кусты на берегу реки, подальше от посторонних глаз.

– Денег нет. Все пропито. Зря бежали, – выдал скороговорку Трофим.

– Э-э, я за твоей мелочью бежал? – удивился Баграм. – Ты правда так считаешь?

– Не знаю, зачем я вам понадобился, – поморщился Трофим, и по нему было видно, что прекрасно он все понимает и валяет дурака.

– Рассказывай, как ты жулику помогал, – потребовал Баграм.

– Я? Жулику? Да вы с ума сошли, граждане? – Счетовод возмущился так искренне, что ему хотелось верить.

Но Баграм никогда никому на слово не верил. А касательно этого типа – вообще наверняка знал, что тот причастен к мошенничеству.

– Не помогал? – критически посмотрел на него Баграм.

– Конечно, нет. – Первоначальный испуг у Трофима постепенно сменялся воодушевлением. – Люди могут упрекнуть меня в чем угодно, но только не в презрении вопросов чести.

Когда-то счетовод был интеллигентным человеком, и от старых времен у него осталась способность витиевато строить фразы.

Давид озадаченно посмотрел на алкоголика, а Баграм с пониманием усмехнулся:

– Вот сейчас мы тебе твою честь и вскроем, посмотрим, чего она стоит.

С этими словами он извлек из рюкзака разделочный нож. Трофим, увидев его, икнул и отстранился, но сзади его подпирала стройная стальная фигура Давида.

– Вы что? Вы же советские люди! Вы правда думаете, что безнаказанно меня зарежете? – Слова хлынули из Трофима, как вода из прорвавшегося крана.

– А мне все равно. – Баграм легонько кольнул счетовода в худой впалый живот. – Мне сказали вора найти. Я найду. А что тебя нельзя резать – мне не говорили.

Баграм надавил лезвием чуть сильнее.

Трофим затараторил:

– Ладно, ладно. Все скажу... Только на опохмелку подкинь!

– Что?! – изумился Баграм такому нахальству перед лицом неминуемой смерти.

– На опохмелку. Пятерик... Нет, лучше червончик. Без горячего мне жизнь не в жизнь, и меня лучше сразу убить.

Переварив услышанное, Баграм протянул пятерку со словами:

– Подавись, собака. Больше не стоишь. Теперь рассказывай.

– Ну да, приезжал он! – Трофим радостно сунул пятерку в карман – она означала грядущую опохмелку и тридцать три алкогольных удовольствия.

– Тот, с фотографии?

– Он! В пивнухе познакомились. Он ко мне подошел. Втерся, паразит, в доверие. Попросил бланки нашей фабрики, образцы, еще всякую мелочь.

- Сколько заплатил?
- Три бутылки водки и пятьдесят рублей на закуску.
- Э-э, гнилой ты человек, – произнес Баграм с презрением. – Ты не только в государственный, ты и в наш карман залез!
- В ваш – это когда?
- Не помог бы ты ему, не встретились бы мы с ним!
- Это опосредованное действие, не носящее характер прямой причинной связи, – выдал алкоголик.
- Ты еще ругаться будешь? – сжал Баграм нож.
- Нет, конечно! – замахал руками Трофим.
- А как того негодяя зовут? Откуда он?
- Иван Ивановичем назвался. А мог бы и Хоттаб Амировичем – все равно врал. Откуда сам – не сказал. Но, я думаю, с Запорожской области.
- Почему?
- Бутылки дал, завернутые в газету «Запорожская правда» за 11 мая.
- Как ты запомнил?
- А я все помню и вижу. Я вообще умный, но пьющий, чем все пользуются. Больше ничего важного у счетовода узнать не удалось. И Баграм сказал ему:
- Иди. И больше так не делай.
- Иди и больше не грешь, – прошептал себе под нос Трофим, удаляясь прочь.

Глава 13

МВД СССР располагалось в старом светло-желтом здании с белыми колоннами, выходявшем на улицу Огарева в самом центре Москвы. Маслов прибыл туда за двадцать минут до совещания. Неразговорчивый капитан милиции в форме встретил его у входа с пропуском и проводил на пятый этаж.

Министерские коридоры были широкие, с высоченными потолками. А вот кабинеты подкачали – полковник Поливанов ютился в клетушке.

Они обнялись.

– Сколько тебя не видел, Володя, – покачал головой Поливанов, худощавый, спортивный, – легенда московского сыска.

– Текучка заела, – развел руками Маслов. – Преступник не дремлет, а только и думает о том, как уничтожить все мое свободное время.

– Опять вместе поработаем.

– Это мы с удовольствием. Грузить, копать – тут мы незаменимы.

– Грузить пока рано. Слишком мало знаем. А вот покопать придется. . . Кстати, не перерос еще МУР? К нам не хочешь? Можно ведь рассмотреть вариант. Не сразу, но на перспективу.

– Не перерос. Костюмчик в самый раз по мне, – сказал Маслов, немножко подумав. – У вас за весь СССР думать надо. Да еще бумаги писать. Проверять нижестоящие подразделения. А я псина охотничья – мне «фас» сказали, я и побежал. Для умствований не создан.

– Да, бумаги, проверки, указания – это есть. Даже больше чем надо. Но и практикой балуемся. Вот, за эту серию мошенничеств взялись. И зарплата у нас повыше.

– А на кого я Москву брошу? Любимый город, который при мне может спать спокойно.

– Как был трепачом, так и остался, – улыбнулся Поливанов.

– Язык у опера – самая натруженная мышца.

Они повспоминали старых знакомых, поностальгировали по отгремевшим битвам. А вспомнить было что. И под пулями ходили, и в перестрелке серийного убийцу ликвидировали. Много чего натворили в свое время.

Поливанов посмотрел на часы:

– Одиннадцать. Пора.

Тут же в дверь постучали.

– Разрешите? – На пороге возник баскетбольного роста парень лет тридцати в серебристом модном костюме.

– Заходи, – кивнул Поливанов.

Вслед за «баскетболистом» зашел широкоплечий, черноволосый, с проседью, подполковник на вид лет сорока – сорока пяти с неприветливым лицом, напоминающим морду английского бульдога. Он был одет в серую форму нового образца. Щит и меч в красных петлицах свидетельствовали о том, что он является сотрудником следствия. Орденой колодки не было – видимо, нечем похвастаться.

Поливанов сказал:

– Ну вот, ядро группы в сборе. Знакомьтесь, товарищи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.